

Оскар Уайльд

ЗАПРЕЩЕННЫЕ КНИГИ

Саломея

**Портрет
Дориана Грея**

+ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ ЗАПРЕТА

Оскар Уайльд

**Саломея. Портрет
Дориана Грея (сборник)**

«ЭКСМО»

1891, 1893

Уайльд О.

Саломея. Портрет Дориана Грея (сборник) / О. Уайльд —
«Эксмо», 1891, 1893

Оскар Уайльд обожал эпатировать викторианскую публику – и предуготовил «Саломее» судьбу самой скандальной своей пьесы. Поводом для запрета постановки стала библейская тема, но и нетрадиционное сочетание религии с эротикой, и иноязычность (написана по-французски) работали против пьесы. В Англии запрет продержался почти сорок лет. В сборник вошел и роман «Портрет Дориана Грея», осуждаемый как аморальное произведение, некоторые критики требовали запретить издание, а автора подвергнуть судебному наказанию.

© Уайльд О., 1891, 1893

© Эксмо, 1891, 1893

Содержание

Саломея	6
Действующие лица:	6
Сцена	7
Портрет Дориана Грея	24
Предисловие	24
Глава I	25
Глава II	33
Глава III	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Оскар Уайльд

Саломея. Портрет Дориана Грея

© Караев Н., предисловие, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Саломея

драма в одном действии

Другу моему Пьеру Луису

Действующие лица:

Ирод Антиппа, тетрарх Иудеи

Иоканаан, пророк

Молодой сириец, начальник отряда телохранителей

Тигеллин, молодой римлянин

Каппадокиец

Нубиец

Первый солдат

Второй солдат

Паж Иродиады

Иудеи, назареяне и пр.

Раб

Нааман, палач

Иродиада, жена тетрарха

Саломея, дочь Иродиады

Рабыни Саломеи

Сцена

Обширная терраса во дворце Ирода, к которой примыкает пиришественная зала. Солдаты стоят, облокотившись на балкон. Направо огромная лестница. Налево, в глубине, старый водоем с краями из зеленой бронзы. Свет луны.

Молодой сириец. Как красива царевна Саломея сегодня вечером.

Паж Иродиады. Посмотри на луну. Станный вид у луны. Она как женщина, встающая из могилы. Она похожа на мертвую женщину. Можно подумать – она ищет мертвых.

Молодой сириец. Очень странный вид у нее. Она похожа на маленькую царевну в желтом покрывале, ноги которой из серебра. Она похожа на царевну, у которой ноги как две белые голубки. Можно подумать – она танцует.

Паж Иродиады. Она как мертвая женщина. Она медленно движется. (*Шум в пиришественной зале.*)

Первый солдат. Какой шум! Что за дикие звери режут там?

Второй солдат. Иудеи. Они всегда так. Спорят о своей вере.

Первый солдат. Почему они спорят о своей вере?

Второй солдат. Не знаю. Они всегда так. Фарисеи утверждают, например, что есть ангелы, а саддукеи говорят, что ангелов не существует.

Первый солдат. Я нахожу, что смешно спорить о таких вещах.

Молодой сириец. Как красива царевна Саломея сегодня вечером!

Паж Иродиады. Ты постоянно смотришь на нее. Ты слишком много смотришь на нее. Не надо так смотреть на людей. Может случиться несчастье.

Молодой сириец. Она очень красива сегодня вечером.

Первый солдат. У тетрарха мрачный вид.

Второй солдат. Да, у него мрачный вид.

Первый солдат. Он смотрит на что-то.

Второй солдат. Он смотрит на кого-то.

Первый солдат. На кого он смотрит?

Второй солдат. Я не знаю.

Молодой сириец. Как царевна бледна! Я никогда не видел, чтобы она была так бледна. Она похожа на отражение белой розы в серебряном зеркале.

Паж Иродиады. Не надо смотреть на нее. Ты слишком много смотришь на нее!

Первый солдат. Иродиада наполнила кубок тетрарха.

Каппадокиец. Это царица Иродиада, та вон, в черном уборе, усеянном жемчугом, и у которой волосы напудрены голубым?

Первый солдат. Да, это Иродиада. Супруга тетрарха.

Второй солдат. Тетрарх очень любит вино. У него есть три сорта вин. Одно с острова Самофракии, пурпурное, как мантия цезаря.

Каппадокиец. Я никогда не видел цезаря.

Второй солдат. Другое с острова Кипра, оно желтое, как золото.

Каппадокиец. Я очень люблю золото.

Второй солдат. И третье вино – сицилийское. Это вино – красное, как кровь.

Нубиец. Боги моей страны очень любят кровь. В год два раза мы приносим им в жертву юношей и девушек: пятьдесят юношей и сто девушек. Но, должно быть, мы все недостаточно даем им, потому что они очень суровы к нам.

Каппадокиец. В моей стране нет больше Богов, их выгнали римляне. Некоторые говорят, что они бежали в горы, но я этому не верю. Я три ночи провел в горах и искал их всюду. Я их не нашел. Наконец я стал их звать по именам, но они не появились. Я думаю, они умерли.

Первый солдат. Иудеи молятся Богу, которого нельзя видеть.

Каппадокиец. Я не могу понять это.

Первый солдат. Словом, они верят только в то, чего нельзя видеть.

Каппадокиец. Мне это кажется очень смешным.

Голос Иоканаана. За мною придет другой, кто сильнее меня. Я не достоин развязать ремни сандалий Его. Когда Он придет, пустыня возликует. Она расцветет, как лилия. Глаза слепых увидят свет, и уши глухих раскроются. Вновь рожденный положит руку на логовище драконов и поведет львов за гриву их.

Второй солдат. Заставь его замолчать. Он всегда говорит вздор.

Первый солдат. Ну нет, это святой человек. И очень кроткий. Я каждый день ношу ему пищу. Он меня всегда благодарит.

Каппадокиец. Кто он такой?

Первый солдат. Он пророк.

Каппадокиец. Как его зовут?

Первый солдат. Иоканаан.

Каппадокиец. Откуда он?

Первый солдат. Из пустыни, где он питался акридами и диким медом. На нем было платье из верблюжьей шерсти, а на чреслах кожаный пояс. Он был очень дикий на вид. Большая толпа следовала за ним. У него были даже ученики.

Каппадокиец. А что он говорит?

Первый солдат. Мы этого никогда не знаем. Иногда он говорит ужасные вещи, но понять его невозможно.

Каппадокиец. Можно его увидеть?

Первый солдат. Нет. Тетрарх не позволяет.

Молодой сириец. Царевна спрятала лицо свое за веер! Ее маленькие белые руки движутся, как голубки, что улетают к своей голубятне. Они похожи на белых бабочек. Они совсем как белые бабочки.

Паж Иродиады. Но что тебе до этого? Зачем ты смотришь на нее? Не надо так смотреть на нее. Может случиться несчастье.

Каппадокиец (*указывая на водоем*). Какая странная тюрьма!

Второй солдат. Это старый водоем.

Каппадокиец. Старый водоем! Там должно быть очень нездорово.

Второй солдат. Нет. Брат тетрарха, например, его старший брат, первый муж царицы Иродиады, был заключен там целых двенадцать лет. И не умер. Его под конец пришлось задушить.

Каппадокиец. Задушить? Кто же осмелился это сделать?

Второй солдат (*указывая на палача, большого негра*). Вон тот, Нааман.

Каппадокиец. Он не побоялся?

Второй солдат. Нет. Тетрарх послал ему перстень.

Каппадокиец. Какой перстень?

Второй солдат. Перстень смерти. Так что он не боялся.

Каппадокиец. Все же ужасно задушить царя.

Первый солдат. Почему? У царей такая же шея, как у других людей.

Каппадокиец. Мне кажется, что это ужасно.

Молодой сириец. Царевна встает! Она выходит из-за стола! У нее очень скучающий вид. А! Она идет сюда. Да, она идет к нам. Как она бледна! Я никогда не видел, чтобы она была так бледна.

Паж Иродиады. Не смотри на нее. Я прошу тебя, не смотри на нее.

Молодой сириец. Она как голубка, которая заблудилась... Она как нарцисс, колеблемый ветром... Она похожа на серебряный цветок.

Входит Саломея.

Саломея. Я не останусь там. Я не могу там оставаться. Что он все смотрит на меня, тетрарх, своими глазами крота из-под дрожащих век? Странно, что муж моей матери так на меня смотрит. Я не знаю, что это значит... Впрочем, нет, я это знаю.

Молодой сириец. Ты покинула пир, царица?

Саломея. Какой свежий воздух здесь! Наконец здесь можно дышать! Там внутри – иудеи из Иерусалима, которые рвут друг друга на части из-за своих глупых обрядов, и варвары, которые пьют, не переставая, и льют вино на пол, на плиты, и греки из Смирны со своими накрашенными глазами, нарумяненными щеками, с завитыми колечками волосами, и египтяне, молчаливые, хитрые, с ногтями из зеленчака, в коричневых плащах, и римляне, грубые, тяжеловесные, ругающиеся. Ах, как я ненавижу римлян! Самые последние люди, а изображают из себя знатных господ.

Молодой сириец. Не хочешь ли ты сестра, царица?

Паж Иродиады. Зачем говорить с нею? Зачем смотреть на нее? О! Случится несчастье.

Саломея. Как хорошо смотреть на луну. Она похожа на маленькую монету. Она совсем как маленький серебряный цветок. Она холодная и целомудренная, луна... О, наверное, она девственница. У нее красота девственности... Да, она девственница. Она никогда не была осквернена. Она никогда не отдавалась людям, как другие богини.

Голос Иоканаана. Он пришел, Господь! Он пришел, Сын Человеческий. Кентавры скрылись в реках, и сирены покинули реки и скрылись в чаще лесов.

Саломея. Кто прокричал это?

Второй солдат. Это пророк, царица.

Саломея. А! Это пророк, которого боится тетрарх.

Второй солдат. Об этом мы ничего не знаем, царица. Это пророк Иоканаан.

Молодой сириец. Прикажешь, чтобы тебе принесли носилки, царица? В саду очень хорошо.

Саломея. Он говорит чудовищные вещи о моей матери, правда?

Второй солдат. Мы никогда не понимаем, что он говорит, царица.

Саломея. Да, он говорит чудовищные вещи о ней.

Раб. Царица, тетрарх просит тебя вернуться на пир.

Саломея. Я не вернусь туда.

Молодой сириец. Прости, царица, но, если ты не вернешься туда, может случиться несчастье.

Саломея. Он старик, этот пророк?

Молодой сириец. Царица, лучше было бы вернуться. Позволь мне проводить тебя.

Саломея. Пророк... старик?

Первый солдат. Нет, царица, он совсем молодой.

Второй солдат. Это неизвестно. Некоторые говорят, что это Илия.

Саломея. Кто это Илия?

Второй солдат. Очень древний пророк этой страны, царица.

Раб. Какой ответ мне передать тетрарху от царицы?

Голос Иоканаана. Не ликуй, страна Палестины, ибо бич того, кто бичевал тебя, преломился. Из рода змия изойдет насилие, и то, что родится, поглотит птиц.

Саломея. Какой странный голос! Мне хотелось бы говорить с ним.

Первый солдат. Это, верно, невозможно, царица. Тетрарх не хочет, чтобы с ним говорили. Он запретил даже первосвященнику говорить с ним.

Саломея. Я хочу говорить с ним.

Первый солдат. Это невозможно, царевна.

Саломея. Я хочу.

Молодой сириец. В самом деле, царевна, лучше было бы вернуться на пир.

Саломея. Выведите сюда пророка.

Первый солдат. Мы не смеем, царевна.

Саломея (*подходит к краю водоема и смотрит в глубь его*). Как там темно! Ужасно, должно быть, сидеть в такой темной дыре! На могилу похоже... (*К солдатам.*) Вы не поняли меня? Выведите его сюда. Я хочу его видеть.

Второй солдат. Царевна, я прошу тебя, не требуй этого от нас.

Саломея. Вы заставляете меня ждать.

Первый солдат. Царевна, наши жизни тебе принадлежат, но то, что ты хочешь, мы не можем сделать... И не к нам тебе нужно обращаться.

Саломея (*смотрит на молодого сирийца*). А!

Паж Иродиады. О! Что будет? Я уверен, что случится несчастье.

Саломея (*подходя к молодому сирийцу*). Нарработ, ты это сделаешь для меня, ведь правда? Ты это сделаешь для меня? Я к тебе всегда была расположена. Не правда ли, ты это сделаешь для меня? Я только посмотреть хочу на него, на этого странного пророка. О нем так много говорили. Я так часто слышала, как говорил о нем тетрарх. Мне кажется, он боится его, тетрарх. Я уверена, что он боится его... А ты, Нарработ, ты тоже боишься его?

Молодой сириец. Я не боюсь его, царевна, я никого не боюсь. Но тетрарх строжайше запретил, чтобы кто-нибудь приподнимал крышку с этого водоема.

Саломея. Ты сделаешь это для меня, Нарработ, и завтра, когда я в своих носилках поравняюсь с дверьми торгующих идолами, я уроню для тебя маленький цветок, маленький зеленый цветок.

Молодой сириец. Царевна, я не могу, я не могу.

Саломея (*улыбаясь*). Ты это сделаешь для меня, Нарработ. Ты же знаешь, что ты это сделаешь для меня. И завтра, когда мои носилки поравняются на мосту с теми, что торгуют идолами, я посмотрю на тебя сквозь кисейные завесы, я посмотрю на тебя, Нарработ, и, может быть, я улыбнусь тебе. Посмотри на меня, Нарработ. Посмотри на меня. А, ты знаешь наверно, что ты сделаешь то, о чем я тебя прошу. Ты это наверно знаешь, не правда ли?.. Я это знаю наверно.

Молодой сириец (*делает знак третьему солдату*). Выведите сюда пророка... Царевна Саломея хочет его видеть.

Саломея. А!

Паж Иродиады. О! Какой странный вид у луны! Как будто это рука мертвой, которая хочет закрыться саваном.

Молодой сириец. Очень странный вид у нее. Она как маленькая царевна с глазами из янтаря. Сквозь облака кисеи она улыбается, как маленькая царевна.

Пророк выходит из водоема. Саломея смотрит на него и отступает.

Иоканаан. Где тот, чаша скверны которого уже преисполнена? Где тот, что однажды, в одежде из серебра, умрет перед лицом всего народа? Скажите, чтобы он пришел сюда, дабы он внял голосу того, кто взывал в пустынях и в дворцах царей.

Саломея. О ком говорит он?

Молодой сириец. Этого никогда не знаешь, царевна.

Иоканаан. Где та, что, увидев мужей, на стене изображенных, лики халдеев, означенных красками, предалась похоти глаз своих и отправила послов в Халдею?

Саломея. Он говорит о моей матери.

Молодой сириец. О нет, царевна.

Саломея. Да, он говорит о моей матери.

Иоканаан. Где та, что отдалась военачальнику ассирийцев, которые носят перевязи на чреслах и разноцветные венчики на головах? Где та, что отдавалась юношам Египта, одетым в полотно и гиацинты, носящим золотые щиты и серебряные шлемы, им, что росли телом? Пусть встанет она с ложа бесстыдства своего, с ложа кровосмешения, и услышит слова того, кто приуготовляет путь Господень, дабы покаяться во грехах своих. Хотя она и не раскается никогда и будет пребывать в своей скверне, пусть придет, ибо Господь уже держит бич в руках Своих.

Саломея. Но он ужасен, он ужасен.

Молодой сириец. Не оставайся здесь, царевна, я прошу тебя.

Саломея. Самое ужасное – это его глаза. Они точно черные дыры, прожженные факелами в тирских коврах. Точно черные пещеры, где живут драконы, черные пещеры Египта, где находят себе пристанище драконы. Точно черные озера, возмущенные призрачными озерами... Вы думаете, он будет еще говорить?

Молодой сириец. Не оставайся здесь, царевна, я прошу тебя, не оставайся здесь.

Саломея. Как он худ! Он похож на тонкую фигуру из слоновой кости. Точно фигура из серебра. Я уверена, что он целомудрен, как месяц. Он похож на лунный луч, на серебряный лунный луч. Его тело, должно быть, очень холодное, как слоновая кость... Я хочу видеть его вблизи.

Молодой сириец. Нет, нет, царевна.

Саломея. Мне надо посмотреть на него вблизи.

Молодой сириец. Царевна! Царевна!

Иоканаан. Что это за женщина смотрит на меня? Я не хочу, чтобы она смотрела на меня. Что она смотрит на меня своими золотыми глазами под золотыми веками? Я не знаю, кто она. Не хочу знать, кто она. Пусть она уйдет. Не с ней хочу я говорить.

Саломея. Я Саломея, дочь Иродиады, царевна иудейская.

Иоканаан. Прочь! Дочь Вавилона! Не приближайся к избраннику Господню. Твоя мать наполнила землю вином своих злодеяний, и крик грехов ее достиг ушей Господних.

Саломея. Говори еще, Иоканаан. Твой голос пьянит меня.

Молодой сириец. Царевна! Царевна! Царевна!

Саломея. Говори еще. Говори еще, Иоканаан, и скажи мне, что мне делать.

Иоканаан. Не приближайся ко мне, дочь Содома, закрой лучше покрывалом свое лицо, посыпь главу свою пеплом и беги в пустыню искать Сына Человеческого.

Саломея. Кто это Сын Человеческий? Он так же красив, как ты, Иоканаан?

Иоканаан. Прочь! Прочь! Я слышу во дворце взмахи крыльев ангела смерти.

Молодой сириец. Царевна, я молю тебя, вернись!

Иоканаан. Ангел Господень, зачем ты здесь с мечом своим? Что ищешь ты в этом нечестивом дворце?.. Не настал еще день того, кто умрет в серебряной одежде.

Саломея. Иоканаан!

Иоканаан. Кто говорит?

Саломея. Иоканаан! Я влюблена в твое тело! Твое тело белое, как лилия луга, который еще никогда не косили. Твое тело белое, как снега, что лежат на горах Иудеи и нисходят в долины. Розы в саду аравийской царицы не так белы, как твое тело. Ни розы в саду царицы аравийской, благоуханном саду царицы аравийской, ни стопы утренней зари, скользящей по листьям, ни лоно луны, когда она покоится на лоне моря... Нет ничего на свете белее твоего тела. Дай мне коснуться твоего тела!

Иоканаан. Прочь, дочь Вавилона! Через женщину зло пришло в мир. Не говори со мной. Я не хочу слушать тебя. Я слушаю только слова Господа Бога.

Саломея. Твое тело отвратительно. Оно как тело прокаженного. Оно точно выбеленная стена, по которой прошли ехидны, точно выбеленная стена, где скорпионы устроили свое

гнездо. Оно точно выбеленная гробница, которая полна мерзостей. Оно ужасно, оно ужасно, твое тело!.. Я в твои волосы влюблена, Иоканаан. Твои волосы похожи на гроздья винограда, на гроздья черного винограда, что висят в виноградниках Эдома в стране эдомитов. Твои волосы как кедры ливанские, как высокие кедры ливанские, что дают тень львам и разбойникам, которые хотят днем скрыться. Длинные черные ночи, ночи, когда луна не показывается, когда звезды боятся, не так черны. Молчание, живущее в лесах, не так черно. Нет ничего на свете чернее твоих волос... Дай мне коснуться твоих волос.

Иоканаан. Прочь, дочь Содома! Не прикасайся ко мне! Нельзя осквернять храм Господа Бога.

Саломея. Твои волосы ужасны. Они покрыты грязью и пылью. Они как терновый венок, что положили тебе на лоб. Точно узел черных змей, которые выются вокруг твоей шеи. Мне не нравится твоя шея. Мне не нравятся твои волосы... Я в рот твой влюблена, Иоканаан. Он как алая перевязь на башне из слоновой кости. Он как гранат, разрезанный ножом из слоновой кости. Цветы граната, что цветут в садах Тира, – более красные, чем розы, – не так красны. Красные крики боевых труб, возвещающие прибытие царей и внушающие страх врагам, не так красны. Твой рот краснее, чем ноги тех, что мнут виноград в давилнях. Он краснее, чем ноги голубей, которые живут в храмах и которых кормят священники. Он краснее, чем ноги того, кто возвращается из леса, где он убил льва и видел золотистых тигров. Твой рот как ветка коралла, что рыбаки нашли в сумерках моря и которую они берегут для царей. Он точно киноварь, что моавитяне находят в рудниках Моавии и которую цари отнимают у них. Он как лук персидского царя, выкрашенный киноварью и с рогами из кораллов. Нет ничего на свете краснее твоего рта... Дай мне поцеловать твой рот.

Иоканаан. Никогда! Дочь Вавилона! Дочь Содома, никогда!

Саломея. Я поцелую твой рот, Иоканаан. Я поцелую твой рот.

Молодой сириец. Царевна, царевна, ты как цвет мирты, ты голубка из голубок, не смотри на этого человека, не смотри на него! Не говори ему таких вещей. Я не могу это вынести... Царевна, царевна, не говори ему таких вещей.

Саломея. Я поцелую твой рот, Иоканаан.

Молодой сириец. А!

Он убивает себя и падает между Саломеей и Иоканааном.

Паж Иродиады. Молодой сириец убил себя! Молодой начальник убил себя! Тот, кто был моим другом, убил себя! Я подарил ему маленькую коробочку благовоний и серьги, сделанные из серебра, а он теперь убил себя! Ах, не предсказывал ли он, что случится несчастье... Я сам предсказал это, и оно случилось. Я знал, что луна искала мертвого, но я не знал, что его искала она. Ах, зачем я не скрыл его от луны? Если бы я скрыл его в пещере, она бы не увидела его.

Первый солдат. Царевна, сейчас молодой начальник убил себя.

Саломея. Дай мне поцеловать твой рот, Иоканаан.

Иоканаан. И не страшно тебе, дочь Иродиады? Не говорил ли я тебе, что я слышал во дворце взмахи крыльев ангела смерти, и не явился ли ангел этот?

Саломея. Дай мне поцеловать твой рот.

Иоканаан. Дочь прелюбодеяния, есть один человек, который может спасти тебя. Это Тот, о Котором я говорил тебе. Иди ищи Его. Он в лодке на море Галилейском и говорит к Своим ученикам. Стань на колени на берегу моря и зови Его по имени. Когда Он придет к тебе, – Он приходит ко всем, кто зовет Его, – прострись у ног Его и проси прощения грехам твоим.

Саломея. Дай мне поцеловать твой рот.

Иоканаан. Будь проклята, дочь кровосмесительницы-матери, будь проклята.

Саломея. Я поцелую твой рот, Иоканаан.

Иоканаан. Я не хочу тебя видеть, я не буду смотреть на тебя. Ты проклята, Саломея, ты проклята.

Он спускается в водоем.

Саломея. Я поцелую твой рот, Иоканаан, я поцелую твой рот.

Первый солдат. Надо перенести труп в другое место. Тетрарх не любит смотреть на трупы, исключая трупов тех, которых он сам убил.

Паж Иродиады. Он был моим братом, он был мне ближе брата. Я подарил ему маленькую коробочку с благовониями и кольцо из агата, которое он всегда носил на руке. Вечером мы бродили с ним по берегу реки под миндальными деревьями, и он рассказывал мне о своей родине. Он говорил всегда очень тихо. Звук его голоса походил на звук флейты играющего на флейте. Он также очень любил смотреться в реку. Я упрекал его в этом.

Второй солдат. Ты прав, нужно убрать труп. Не надо, чтобы тетрарх его видел.

Первый солдат. Тетрарх не придет сюда. Он никогда не выходит на террасу. Он слишком боится пророка.

Входят Ирод, Иродиада и весь двор.

Ирод. Где Саломея? Где царевна? Почему она не вернулась на пир, как я просил ее? А! Вот она!

Иродиада. Не надо смотреть на нее. Ты все время смотришь на нее.

Ирод. Какая странная луна сегодня вечером. Ведь правда она очень странная? Она как истеричная женщина, которая всюду ищет любовников. И она нагая. Она совершенно нагая. Облака хотят ее закрыть, но она не хочет. Она показывается совсем нагая на небе. Она идет шатаясь среди облаков, как пьяная женщина... Я уверен, что она ищет любовников... Ведь правда она шатается, как пьяная женщина? Она похожа на истеричную женщину, ведь правда?

Иродиада. Нет. Луна как луна, и все тут. Пойдем домой... Тебе здесь нечего делать.

Ирод. Я останусь здесь! Манассия, постелите ковры там. Зажгите факелы. Принесите столы из слоновой кости и столы из яшмы. Воздух здесь чудесный. Я выпью еще вина с моими гостями. Послам цезаря нужно оказать всевозможные почести.

Иродиада. Не ради них ты здесь остаешься.

Ирод. Да, воздух чудесный. Пойдем, Иродиада, наши гости ждут нас... А! Я поскользнулся в крови! Это дурной знак. Это очень дурной знак. Почему здесь кровь?.. И этот труп? Почему здесь труп? Не думаете ли вы, что я как царь египетский, который всегда, когда устраивает пир, показывает труп своим гостям? Да и кто это такой? Я не хочу его видеть.

Первый солдат. Это наш начальник, владыка. Молодой сириец, которого всего три дня тому назад ты сделал начальником.

Ирод. Я не давал приказания убить его.

Второй солдат. Он сам убил себя, владыка.

Ирод. Почему? Я сделал его начальником.

Второй солдат. Мы не знаем, владыка. Но он убил себя сам.

Ирод. Это мне кажется странным. Я думал, что только римские философы убивают себя. Не правда ли, Тигеллин, римские философы убивают себя?

Тигеллин. Некоторые убивают себя, владыка. Это люди очень грубые. И потом, это люди очень смешные. Я их нахожу очень смешными.

Ирод. Я тоже. Смешно убивать себя.

Тигеллин. Над ними очень смеются в Риме. Император написал на них сатиру. Ее повторяют всюду.

Ирод. А! Он написал на них сатиру! Цезарь удивительный. Он все умеет... Странно, что молодой сириец убил себя. Мне жаль его. Да, мне очень жаль его. Потому что он был красив. Он был даже очень красив. У него были такие томные глаза. Я вспоминаю, я видел, как томно он смотрел на Саломею; правда, я находил, что он слишком много смотрел на нее.

Иродиада. Есть и другие, которые слишком много смотрят на нее.

Ирод. Его отец был царь, я изгнал его из царства. А царицу, его мать, ты сделала своей рабыней, Иродиада. Таким образом, он был здесь как бы гость. И потому я его сделал начальником. Мне жаль, что он умер... Но почему вы оставили здесь труп? Уберите его отсюда. Я не хочу его видеть... Унесите его... (*Тело уносят.*) Здесь холодно. Здесь ветер. Ведь правда здесь ветер?!

Иродиада. Нет, здесь нет ветра.

Ирод. Нет, здесь ветер... И я слышу в воздухе что-то подобное взмахам крыльев, взмахам гигантских крыльев. А ты не слышишь?

Иродиада. Я ничего не слышу.

Ирод. Теперь и я не слышу их, но я слышал. Это был, верно, ветер. Теперь прошло. Но нет, я еще их слышу. А ты не слышишь? Совсем как взмахи крыльев.

Иродиада. Ничего нет, говорю я тебе. Ты болен. Пойдем домой.

Ирод. Я не болен. Это твоя дочь больна. У нее вид очень больной, у твоей дочери. Я никогда не видел, чтобы она была так бледна.

Иродиада. Я тебе говорила, не смотри на нее.

Ирод. Налейте вина. (*Приносят вино.*) Саломея, подойди и выпей немного вина со мной. У меня тут чудесное вино. Сам цезарь послал мне его. Омочи твои маленькие красные губы в кубке, и потом я осушу его.

Саломея. Я не хочу пить, тетрарх.

Ирод. Ты слышишь, как она мне отвечает, твоя дочь?

Иродиада. Я нахожу, что она совершенно права. Почему ты на нее все смотришь?

Ирод. Принесите плодов. (*Приносят плоды.*) Саломея, подойди и съешь со мною плодов. Я люблю видеть след твоих маленьких зубов на них. Откуси маленький кусочек от этого плода, а потом я съем то, что останется.

Саломея. Я не хочу есть, тетрарх.

Ирод (*к Иродиаде*). Вот как ты воспитала ее, твою дочь.

Иродиада. Моя дочь и я царского рода, а твой дед пас верблюдов! И к тому же он был вор!

Ирод. Ты лжешь!

Иродиада. Ты сам знаешь, что это правда.

Ирод. Саломея, подойди, сядь ко мне, я дам тебе престол твоей матери.

Саломея. Я не устала, тетрарх.

Иродиада. Вот видишь, как она обращается с тобой.

Ирод. Принесите... Что это мне надо? Я не знаю. Ах! Ах! Вспомнил...

Голос Иоканаана. Время настало! То, что я возвестил, сбылось, говорит Господь Бог. Настал день, о котором я говорил.

Иродиада. Вели ему замолчать. Я не хочу слышать его голос. Этот человек постоянно изрыгает поношенья на меня.

Ирод. Он ничего не говорил против тебя. И к тому же он великий пророк.

Иродиада. Я не верю в пророков. Какой человек может сказать, что случится? Никто этого не знает. И к тому же он меня постоянно оскорбляет. Но, мне кажется, ты боишься его... Да, я знаю, ты боишься его.

Ирод. Я не боюсь его. Я никого не боюсь.

Иродиада. Нет, ты боишься его. Если не боишься, почему ты его не выдашь иудеям, которые уже шесть месяцев у тебя его просят?

Иудей. Владыка, действительно было бы лучше выдать его нам.

Ирод. Довольно об этом. Я уже вам дал свой ответ. Я вам его не выдам. Это святой человек, этот человек видел Бога.

Иудей. Это невозможно, никто не видел Бога после пророка Илии. Он последний видел Бога. В наше время Бог не показывается. Он скрывается. И потому в стране такие великие бедствия.

Другой иудей. Наконец, это еще неизвестно, видел ли действительно пророк Илия Бога. Вернее, он видел тень Бога.

Третий иудей. Бог никогда не скрывается. Он является всегда и во всем. Бог так же в зле, как и в добре.

Четвертый иудей. Не надо это говорить. Эта мысль очень опасная. Эта мысль вышла из александрийских школ, где учат греческой философии. А греки – язычники. Они даже не обрезаны.

Пятый иудей. Никогда нельзя знать, как Бог свершает, ибо пути Его неисповедимы. Может быть, то, что нам кажется злом, – добро, и что нам кажется добром – зло. Ничего нельзя знать. Нужно только быть покорным всему. Бог очень силен. Он разит одновременно и слабых и сильных. Никого не щадит.

Первый иудей. Это верно. Бог страшен. Он дробит слабых и сильных, как дробят в ступе зерно. Но этот человек никогда не видел Бога. Никто не видел Бога со времен пророка Илии.

Иродиада. Вели им замолчать. Они надоели мне.

Ирод. А я слышал, что говорят, будто Иоканаан сам ваш пророк Илия.

Иудей. Это невозможно. Со времени пророка Илии прошло более трехсот лет.

Ирод. Да, но есть люди, которые говорят, что это пророк Илия.

Назарейнин. Я убежден, что он пророк Илия.

Иудей. Нет, нет, это не пророк Илия.

Голос Иоканаана. День пришел, день Господень, и я слышу на горах шаги Того, Кто будет Спасителем мира.

Ирод. Что это значит? Спаситель мира.

Тигеллин. Это один из титулов цезаря.

Ирод. Но цезарь не будет в Иудее. Я получил вчера письма из Рима. Об этом ничего не говорится. А ты, Тигеллин, ты был зимой в Риме, ты ничего об этом не слышал?

Тигеллин. Поистине, владыка, я ничего не слышал об этом, я просто объясняю титул. Это один из титулов цезаря.

Ирод. Цезарь здесь быть не может. У него подагра. Говорят, у него ноги как у слона. Есть на это и государственные причины. Рим теряет – кто Рим покидает. Он не будет здесь. Но цезарь господин, и, если захочет, он будет здесь. Но я думаю, что он не будет здесь.

Первый назарейнин. Это не о цезаре пророк говорил, владыка.

Ирод. Не о цезаре?

Первый назарейнин. Нет, владыка.

Ирод. О ком же он говорил?

Первый назарейнин. О Мессии, который пришел.

Иудей. Мессия не пришел.

Первый назарейнин. Он пришел и повсюду творит чудеса.

Иродиада. О! О! Чудеса! Я не верю в чудеса. Я слишком много видела чудес. *(К пажу.)* Мой веер.

Первый назарейнин. Этот человек совершает истинные чудеса. Так, по случаю свадьбы в маленьком городе Галилеи, в довольно значительном городе, он обратил воду в вино; мне рассказывали об этом люди, которые там были. Он тоже исцелил двух прокаженных, которые сидели у врат Капернаума, одним прикосновением своим.

Второй назарейнин. Нет, он исцелил двух слепых в Капернауме.

Первый назарейнин. Нет, это были прокаженные. Но он исцелил и слепых, и его видели на одной горе беседующим с ангелами.

Саддукей. Ангелы не существуют.

Фарисей. Ангелы существуют, но я не верю, чтобы этот человек с ними беседовал.

Первый назарейнин. Большая толпа людей видела, как он беседовал с ангелами.

Саддукей. Не с ангелами.

Иродиада. Как они раздражают меня, эти люди! Они глупы. Они совершенно глупы. *(К пажу.)* Ну, а мой веер? *(Паж подает ей веер.)* У тебя такой вид, будто ты мечтаешь. Не надо мечтать. Мечтатели – больные. *(Она ударяет пажу веером.)*

Второй назарейнин. Еще свершилось чудо с дочерью Иаира.

Первый назарейнин. Да, это совершенно верно; этого отрицать нельзя.

Иродиада. Эти люди безумны. Они слишком много смотрели на луну. Скажи, чтобы они замолчали.

Ирод. Что это такое за чудо с дочерью Иаира?

Первый назарейнин. Дочь Иаира умерла. Он ее воскресил.

Ирод. Он воскрешает мертвых?

Первый назарейнин. Да, владыка. Он воскрешает мертвых.

Ирод. Я не хочу, чтобы он это делал. Я запрещаю ему это делать! Я не позволяю воскрешать мертвых. Надо найти этого человека и сказать ему, что я не позволяю ему воскрешать мертвых. Где он теперь, этот человек?

Второй назарейнин. Он всюду, владыка, но найти его очень трудно.

Первый назарейнин. Говорят, он в Самарии теперь.

Иудей. Вот и видно, что это не Мессия, если он в Самарии. Не к самаритянам придет Мессия. Самаритяне прокляты. Они никогда не приносят жертв в храм.

Второй назарейнин. Несколько дней тому назад он покинул Самарию; я думаю, что он сейчас в окрестностях Иерусалима.

Первый назарейнин. Да нет же, его там нет, я как раз из Иерусалима. Вот уже два месяца ничего не слыхали о нем.

Ирод. Это все равно! Его все же надо найти и сказать ему от меня, что я не позволяю воскрешать мертвых. Обращать воду в вино, исцелять прокаженных и слепых... пусть он все это делает, если хочет. Мне нечего возразить на это. Исцеление прокаженных кажется мне даже добрым делом. Но я не позволяю ему воскрешать мертвых. Было бы ужасно, если бы мертвые возвращались.

Голос Иоканаана. А! Блудница! Прелюбодейка! А! Дочь Вавилона, со своими золотыми глазами под золотыми веками! Вот что говорит Господь Бог. Пусть выпустят на нее толпу людей. Пусть народ побьет ее камнями.

Иродиада. Прикажи ему замолчать!

Голос Иоканаана. Пусть начальники войск пронзят ее мечами, пусть раздавят ее щитами своими.

Иродиада. Какая низость!

Голос Иоканаана. Так истреблю Я беззакония земли, и все женщины научатся не подражать мерзостям этой женщины.

Иродиада. Ты слышишь, что он обо мне говорит? Ты терпишь, чтобы так оскорбляли твою супругу?

Ирод. Он не называл твоего имени.

Иродиада. Что из этого? Ты же знаешь, что он старается опозорить именно меня. И я твоя супруга, не так ли?

Ирод. Да, дорогая и достойная Иродиада, ты моя супруга, а прежде ты была супругой моего брата.

Иродиада. Но это ты вырвал меня из его объятий.

Ирод. В самом деле, я был более сильным... Но не будем говорить об этом. Я не хочу говорить об этом. Поэтому пророк сказал эти страшные слова. Может быть, поэтому случится несчастье. Не будем говорить об этом... Благородная Иродиада, мы забываем наших гостей. Налей мне вина, возлюбленная моя. Наполните вином эти большие серебряные кубки и эти большие хрустальные кубки. Я буду пить за здоровье цезаря. Здесь римляне. Надо пить за здоровье цезаря.

Все. Цезарь! Цезарь!

Ирод. Ты не замечаешь, как твоя дочь бледна.

Иродиада. Что тебе за дело, бледна она или нет?

Ирод. Я никогда не видал, чтобы она была так бледна.

Иродиада. Не надо смотреть на нее.

Голос Иоканаана. В тот день солнце почернеет, как власяница, луна будет как кровь и звезды с неба упадут на землю, как незрелые плоды падают со смоковницы, и царям земным станет страшно.

Иродиада. А! А! Хотела бы я увидеть день, о котором он говорит, когда луна будет как кровь и звезды упадут на землю подобно незрелым плодам. Этот пророк говорит, как пьяный... Но я не могу выносить звук его голоса. Я ненавижу его голос. Прикажи ему замолчать.

Ирод. Нет, зачем? Я не понимаю, что он говорит, но это может быть предвещание.

Иродиада. Я не верю в предвещения. Он говорит, как пьяный.

Ирод. Быть может, он пьян вином Господним!

Иродиада. Что это за вино – вино Господне? Из каких оно виноградников? В какой давилльне изготавливается оно?

Ирод (*уже не отрываясь смотрит на Саломею*). Тигеллин, когда ты в последний раз был в Риме, говорил тебе цезарь о?..

Тигеллин. О чем, владыка?

Ирод. О чем? А! Я тебя спросил о чем-то, не правда ли? Я забыл, что мне хотелось знать.

Иродиада. Ты опять смотришь на мою дочь, не надо на нее смотреть. Я уже говорила тебе это.

Ирод. Ты только это и говоришь.

Иродиада. И говорю еще раз.

Ирод. А восстановление храма, о чем так много говорили? Что-нибудь выйдет из этого? Не правда ли, говорят – завеса исчезла из святилища.

Иродиада. Да ведь ты же ее взял. Сам не знаешь, что говоришь. Я не хочу больше оставаться здесь. Пойдем к себе.

Ирод. Саломея, танцуй для меня.

Иродиада. Я не хочу, чтобы она танцевала.

Саломея. Мне совсем не хочется танцевать, тетрарх.

Ирод. Саломея, дочь Иродиады, танцуй для меня.

Иродиада. Оставь ее в покое.

Ирод. Я приказываю тебе танцевать, Саломея.

Саломея. Я не буду танцевать, тетрарх.

Иродиада (*смеясь*). Вот как она слушается тебя!

Ирод. Что мне до того, танцует она или нет? Мне все равно. Сегодня вечером я счастлив. Я очень счастлив. Я никогда еще не был так счастлив.

Первый солдат. У тетрарха мрачный вид. Правда у него мрачный вид?

Второй солдат. Да, у него мрачный вид.

Ирод. Почему бы мне не быть счастливым? Цезарь, а он повелитель мира, повелитель над всем в мире, меня очень любит. Он только что послал мне драгоценнейшие дары. И еще он обещал мне отозвать в Рим царя каппадокийского, моего врага. Быть может, в Риме он

распнет его. Он может сделать для меня все, что захочет, цезарь. Ибо он повелитель. Потому, вы видите, я имею право быть счастливым. И правда, я счастлив. Еще никогда я не был так счастлив. Нет ничего на свете, что могло бы испортить мою радость.

Голос Иоканаана. Он будет восседать на престоле своем. В пурпур и багрянец будет одет. В руке своей будет держать золотой сосуд, наполненный поруганиями его, и ангел Господень поразит его. Он будет съеден червями.

Иродиада. Слышишь, что он говорит о тебе? Он говорит, ты будешь съеден червями.

Ирод. Не обо мне он говорит. Он никогда ничего не говорит против меня. Он говорит о царе каппадокийском, моем враге. Это он будет съеден червями; не я. Никогда он ничего не говорил против меня, пророк, кроме того, что я поступил несправедливо, взяв в жены жену моего брата. Быть может, он прав. В самом деле, ты бесплодна.

Иродиада. Я бесплодна, я! И это говоришь ты, ты, который постоянно смотришь на мою дочь, ты, который хотел, чтобы она танцевала для твоей услады! Смешно говорить это. У меня уже был ребенок. У тебя ни одного не было; ни от одной из твоих рабынь даже; это ты бесплоден, а не я.

Ирод. Молчи. Я говорю, что ты бесплодна. Ты не подарила мне ребенка, и пророк говорит, что наш брак не есть истинный брак. Он говорит, что это брак кровосмесительный, что этот брак принесет несчастья... Я боюсь, что он прав, Я уверен, что он прав. Но теперь не время говорить об этом. Я сейчас хочу быть счастлив. Я и счастлив. Я очень счастлив. Нет ничего, чего бы мне не хватало.

Иродиада. Я очень рада, что ты в таком хорошем расположении духа сегодня вечером. Это не в твоих привычках. Однако поздно. Вернемся домой. Не забудь, что завтра с восходом солнца мы все едем на охоту. Послам цезаря нужно оказать всякие почести, не так ли?

Второй солдат. Какой мрачный вид у тетрарха.

Первый солдат. Да, у него мрачный вид.

Ирод. Саломея, Саломея, танцуй для меня. Я молю тебя, танцуй для меня. Мне грустно сегодня вечером. Да, мне очень грустно сегодня вечером. Когда я вошел сюда, я поскользнулся в крови, это дурной знак, и я слышал, я уверен, что я слышал взмахи крыльев в воздухе, взмахи как бы гигантских крыльев. Я не знаю, что это значит... Мне грустно сегодня вечером. Поэтому танцуй для меня. Танцуй для меня, Саломея, я умоляю тебя. Если ты будешь танцевать для меня, ты можешь просить все, что захочешь, и я дам тебе. Да, танцуй для меня, Саломея, я дам тебе все, что ты пожелаешь, будь это половина моего царства.

Саломея (вставая). Ты мне дашь все, что я пожелаю, тетрарх?

Иродиада. Не танцуй, дочь моя.

Ирод. Все, будь это половина моего царства.

Саломея. Ты в этом клянешься, тетрарх?

Ирод. Я в этом клянусь, Саломея.

Иродиада. Дочь моя, не танцуй.

Саломея. Чем поклянешься ты, тетрарх?

Ирод. Жизнью моей, короной моей, Богами моими. Все, что ты пожелаешь, я дам тебе, будь это половина моего царства, если ты будешь танцевать для меня. О! Саломея, Саломея, танцуй для меня.

Саломея. Ты поклялся, тетрарх.

Ирод. Я поклялся, Саломея.

Саломея. Что бы я ни пожелала, будь это половина твоего царства?

Иродиада. Не танцуй, дочь моя.

Ирод. Будь это половина моего царства. Как ты прекрасна будешь царицей, Саломея, если тебе угодно будет пожелать половину моего царства. Не правда ли, она будет очень красивой царицей?... А! Здесь холодно! Холодный ветер, и я слышу... Почему слышу я в воз-

духе эти взмахи крыльев? О! Можно подумать, что какая-то птица, какая-то большая черная птица носится над террасой. Почему я не могу видеть эту птицу? Взмахи крыльев ее ужасны. Это холодный ветер... Но нет, здесь совсем не холодно. Напротив, очень жарко. Очень жарко. Я задыхаюсь. Воды полейте мне на руки. Дайте мне снегу поесть. Расстегните мне мантию. Скорее, скорее расстегните мантию... Нет. Оставьте. Это мне больно от моего венка, от моего венка из роз. Цветы как будто из огня. Они сожгли мне лоб. *(Он срывает с головы венок и бросает его на стол.)* Ах! Наконец я дышу. Как красны эти лепестки! Они как пятна крови на скатерти. Это ничего. Не надо находить знамения во всем, что видишь. Это делает жизнь невозможной. Лучше было бы сказать, что пятна крови так же прекрасны, как лепестки роз. Было бы гораздо лучше сказать так... Но не будем говорить об этом. Теперь я счастлив. Я очень счастлив. Я имею право быть счастливым, не правда ли? Твоя дочь будет танцевать для меня. Ведь правда ты будешь танцевать для меня, Саломея? Ты обещала танцевать для меня.

Иродиада. Я не хочу, чтобы она танцевала.

Саломея. Я буду танцевать для тебя, тетрарх.

Ирод. Ты слышишь, что говорит твоя дочь. Она будет танцевать для меня. Это с твоей стороны хорошо, Саломея, что ты будешь танцевать для меня. И, когда ты кончишь танцевать, не забудь потребовать от меня все, что ты захочешь. Все, что ты захочешь, я дам тебе, будь это половина моего царства, я поклялся, не правда ли?

Саломея. Ты поклялся, тетрарх.

Ирод. И я никогда не нарушал своего слова. Я не из тех, кто нарушает свое слово. Я не умею лгать. Я раб своего слова, и слово мое есть слово царя. Царь каппадокийский всегда лжет, но он и не настоящий царь. Он трус. Он мне и деньги должен и не хочет платить, он даже оскорбил моих послов. Он говорил очень обидные вещи. Но цезарь его распнет, когда он вернется в Рим. Я уверен, что цезарь распнет его. А если нет, он умрет, съеденный червями. Пророк предсказал это. Что ж! Саломея, чего ты ждешь?

Саломея. Я жду, чтобы рабыни мои принесли мне благовония и семь покрывал и сняли с ног моих сандалии.

Рабыни приносят благовония и семь покрывал и снимают с Саломеи сандалии.

Ирод. Ты будешь танцевать босая! Как хорошо! Как хорошо! Твои маленькие ножки будут как белые голубки. Они будут похожи на белые цветочки, что пляшут на дереве. А! Нет. Они будут танцевать на крови! На земле кровь. Я не хочу, чтобы она танцевала на крови. Это было бы очень дурное предвещание.

Иродиада. Что тебе до того, что она будет танцевать на крови? Ты достаточно ходил по крови... ты...

Ирод. А! Мне что до того? А! Посмотри на луну! Она стала красной. Она стала красной, как кровь. А! Пророк ведь это предсказал. Он предсказал, что луна станет красной, как кровь. Ведь правда он это предсказал? Вы все это слышали. Луна стала красной, как кровь. Ты этого не видишь?

Иродиада. Отлично вижу, и звезды падают, как неспелые плоды, да? И солнце становится черным, как власяница, и цари земные боятся. Это, по крайней мере, видно. Хоть раз в жизни пророк оказался прав. Цари земные боятся. Пойдем, однако, к себе. Ты болен. В Риме скажут, что ты сошел с ума. Пойдем к себе, говорю я тебе.

Голос Иоканаана. Кто тот, что пришел из Эдома, что пришел из Бостры в своей пурпуровой одежде, блистая в великолепии одеяния, и кто это шествует во всемогуществе своем? Почему одежды ваши окрашены в багрянец?

Иродиада. Пойдем к себе. Голос этого человека приводит меня в исступление. Я не хочу, чтобы моя дочь танцевала в то время, как он выкликает так. Я не хочу, чтобы она танцевала в то время, как ты будешь на нее смотреть так. Одним словом, я не хочу, чтобы она танцевала.

Ирод. Не вставай, супруга моя, моя царица, это напрасно. Я не уйду, пока не увижу, как она танцевала. Танцуй, Саломея, танцуй для меня.

Иродиада. Не танцуй, дочь моя.

Саломея. Я готова, тетрарх.

Саломея танцует танец семи покрывал.

Ирод. А, это чудесно, чудесно! Ты видишь, она для меня танцевала, твоя дочь. Подойди ко мне, Саломея! Подойди, чтобы я мог наградить тебя. А! Я хорошо плачу танцовщицам. Хорошо заплачу и тебе. Я тебе дам все, что ты захочешь. Что хочешь ты, говори?

Саломея (*опускаясь на колени*). Я хочу, чтобы мне сейчас же принесли на серебряном блюде...

Ирод (*смеясь*). На серебряном блюде? Ну да, конечно, на серебряном блюде. Она очаровательна, не правда ли? Что ты хочешь, чтобы тебе принесли на серебряном блюде, дорогая и прекрасная Саломея, ты, которая прекраснее всех девушек Иудеи? Что ты хочешь, чтобы тебе принесли на серебряном блюде? Скажи мне. Что бы это ни было, тебе это дадут. Мои сокровища принадлежат тебе. Что же это такое, Саломея?

Саломея (*вставая*). Голову Иоканаана.

Иродиада. А! Это хорошо сказано, дочь моя.

Ирод. Нет, нет.

Иродиада. Это хорошо сказано, дочь моя.

Ирод. Нет, нет, Саломея. Ты не просишь этого. Не слушай твою мать. Она всегда подает дурные советы. Не слушай ее.

Саломея. Я не слушаю мою мать. Для моего собственного удовольствия я прошу на серебряном блюде голову Иоканаана. Ты поклялся, Ирод. Не забудь, ты поклялся.

Ирод. Я знаю. Я поклялся моими Богами. Я хорошо это знаю. И все же, я умоляю тебя, Саломея, проси у меня чего-нибудь другого, проси половину моего царства, я дам тебе его. Но не проси у меня то, чего ты просишь.

Саломея. Я прошу у тебя голову Иоканаана.

Ирод. Нет, нет, я не хочу.

Саломея. Ты поклялся, Ирод.

Иродиада. Да, ты поклялся. Все слышали. Ты поклялся перед всеми.

Ирод. Молчи. Я говорю не с тобой.

Иродиада. Моя дочь совершенно права, прося голову того человека. Он покрывал меня ругательствами. Он говорил обо мне чудовищные вещи. Видно, как она любит свою мать. Не уступай, дочь моя. Он поклялся, он поклялся.

Ирод. Молчи. Не говори со мной... Послушай, Саломея, надо быть разумной, не правда ли? Ведь правда надо быть разумной? Я никогда не был суров к тебе. Я всегда тебя любил... Быть может, я слишком любил тебя. Так не проси же у меня этого... Это чудовищно, это ужасно просить у меня этого. В сущности, я думаю, ты это не серьезно. Голова обезглавленного некрасивая вещь, не правда ли? Девушка не должна смотреть на такие вещи. Какое удовольствие может это тебе доставить? Никакого. Нет, нет, ты этого не хочешь... Послушай меня одну минуту. У меня есть изумруд, большой круглый изумруд, который послал мне любимец цезаря. Если ты посмотришь сквозь этот изумруд, ты увидишь вещи, происходящие на громадном отдалении. Сам цезарь носит камень совершенно подобный этому, когда идет в цирк. Но мой изумруд больше. Это самый большой изумруд в мире. Не правда ли, тебе хочется его? Пожалуй, и я дам тебе его.

Саломея. Я прошу голову Иоканаана.

Ирод. Ты не слушаешь меня, ты не слушаешь меня. Дай же мне сказать, Саломея.

Саломея. Голову Иоканаана.

Ирод. Нет, нет, ты этого не хочешь. Ты это говоришь, только чтоб помучить меня, потому что я весь вечер смотрел на тебя. Ну да! Это так. Я смотрел на тебя весь вечер. Твоя красота смутила меня. Твоя красота страшно смутила меня, и я слишком много смотрел на тебя. Но я больше не буду это делать. Не надо смотреть ни на людей, ни на вещи. Надо смотреть только в зеркала. Потому что зеркала отражают одни лишь маски... О! О! Вина! Мне пить хочется... Саломея, Саломея, будем друзьями. Ну вот, посмотри... что это я хотел сказать? Что такое? Да, вспомнил. Саломея! Нет, подойди поближе ко мне. Я боюсь, ты не услышишь меня... Саломея, ты знаешь моих белых павлинов, моих красивых белых павлинов, что гуляют в саду среди мирт и высоких кипарисов? У них клювы золотые, и зерна, которые они клюют, золотые, и их ноги пурпурно-красные. Когда они кричат, идет дождь, и когда они распускают свои хвосты, на небе показывается луна. Они ходят парами между кипарисами и черными миртами, и у каждого раб, который ходит за ним. Иногда они летают между деревьями, иногда лежат на лужайках и вокруг пруда. Во всем свете нет таких чудесных птиц. Ни у одного царя на свете нет таких чудесных птиц. Я уверен, что у самого цезаря нет таких чудесных птиц. Так вот, я дам тебе пятьдесят таких павлинов. Они будут всюду следовать за тобой, и ты среди них будешь как луна в большом белом облаке. Я отдам тебе всех, у меня их всего сто, и нет ни одного царя на свете, который обладает такими павлинами, но я отдам тебе их всех. Только освободи меня от моего слова и не проси у меня того, что ты у меня просила. *(Он осушает кубок вина.)*

Саломея. Дай мне голову Иоканаана.

Иродиада. Это хорошо сказано, дочь моя; ты смешон со своими павлинами.

Ирод. Молчи. Ты постоянно кричишь. Ты кричишь, как хищный зверь. Не надо кричать так. Твой голос мучит меня. Молчи, говорю я тебе... Саломея, подумай, что ты делаешь. Быть может, этот человек послан Богом. Я уверен, что он послан Богом. Он святой человек. Перст Божий коснулся его. Ужасные слова вложил Бог в его уста. Во дворце, как и в пустыне, Бог всегда с ним... По крайней мере, это возможно. Наверное неизвестно, но возможно, что Бог за него и с ним. Умри он, меня может поразить несчастье. Он сказал, что в день, когда он умрет, кого-то поразит несчастье. Только меня он мог разуметь. Помнишь, я поскользнулся в крови, когда вошел сюда. И еще я слышал взмахи крыльев в воздухе, взмахи гигантских крыльев. Это очень дурные предвещения. И были другие. И, наверно, были другие, хотя я их не заметил. Но ты не захочешь, Саломея, чтобы меня поразило несчастье! Ты не хочешь этого. Послушай меня.

Саломея. Дай мне голову Иоканаана.

Ирод. Вот видишь, ты не слушаешь меня. Не волнуйся – я очень спокоен. Я совершенно спокоен. Послушай. Здесь у меня спрятаны драгоценности, которых не видела даже мать твоя, совсем необычайные драгоценности. У меня есть ожерелье из четырех рядов жемчуга. Можно подумать, что это луны, нанизанные на серебряные лучи. Можно подумать, пятьдесят лун, уловленных в золотую сеть. Это носила когда-то одна царица на белой, как слоновая кость, груди. Когда ты наденешь его, ты будешь хороша, как царица. У меня есть аметисты двух пород. Одни черные, как вино. Другие красные, как вино с водою. У меня есть желтые топазы, как глаза тигров, и розовые топазы, как глаза голубей, и зеленые топазы, как глаза кошек. У меня есть опалы, которые всегда светятся очень холодным пламенем, опалы, которые делают душу печальной и боятся мрака. У меня есть ониксы, подобные зрачкам мертвой женщины. У меня есть лунные камни, которые меняются, когда меняется луна, и бледнеют, когда видят солнце. У меня есть сапфиры, большие, как яйца, и синие, как синие цветы. В них волнуется море, и луна никогда не мутит синевы их волн. У меня есть хризолиты и бериллы, хризопразы и рубины, сардониксы и гиацинты, и халцедоны, я отдам тебе их все и к ним прибавлю еще много других вещей. Царь Индии как раз послал мне четыре опахала из перьев попугаев, а царь Нубии – одеяние из страусовых перьев. У меня есть кристалл, на который не позволено смотреть женщинам, и даже молодые люди могут смотреть на него только после того, как их

бичевали розгами. В ларчике из перламутра у меня есть три чудесные бирюзы. Если их носить на лбу, можно воображать то, чего нет, а если их носить в руке, то можно женщин сделать бесплодными. Эти сокровища – великой ценности. Эти сокровища бесценны. И это не все. В эбеновом ларчике у меня два янтарных кубка, подобные золотым яблокам. Если в эти кубки враг подмешает яду, они делаются подобны серебряным яблокам. В ларчике, выложенном янтарем, у меня есть сандалии, изукрашенные стеклом. У меня есть одеяния, что из страны Шелковичной, и браслеты, украшенные карбункулами и зеленчаками из города Ефрата... Ну, что же ты хочешь, Саломея? Скажи мне, что ты хочешь, и я дам тебе это! Я дам тебе все, что ты попросишь. Кроме одной вещи. Я дам тебе все, что имею, кроме одной жизни. Я дам тебе облачение первосвященника. Я дам тебе завесу Святая Святых.

Иудеи. О! О!

Саломея. Дай мне голову Иоканаана.

Ирод (*опускаясь на свое седалище*). Дать ей то, что она просит! Воистину она дочь своей матери. (*Первый солдат приближается; Иродиада снимает с руки тетрарха перстень смерти и отдает его солдату, который тотчас же относит его палачу. У палача испуганный вид.*) Кто взял мое кольцо? У меня было кольцо на правой руке. Кто выпил мое вино? В моем кубке было вино. Он был полон вина. Кто-нибудь его выпил? О, я уверен, случится несчастье с кем-нибудь. (*Палач спускается в водоем.*) Ах! Зачем я дал слово? Цари никогда не должны давать слово. Не сдерживают они его – это ужасно. Сдерживают – это тоже ужасно.

Иродиада. Я нахожу, что моя дочь хорошо поступила.

Ирод. Я уверен, что случится несчастье.

Саломея (*наклоняется над водоемом и прислушивается*). Ни звука. Я ничего не слышу. Почему он не кричит, этот человек? Ах, если бы кто-нибудь захотел убить меня, я бы кричала, я бы защищалась, я бы не хотела страдать... Ударь, ударь, Нааман, ударь, говорю я тебе... Нет, я ничего не слышу. Ужасное молчание. А! Что-то упало на землю. Это меч палача. Он боится, этот раб. Он уронил свой меч. Он не смеет убить его. Он трус, этот раб! Надо послать солдат. (*Она видит пажу Иродиады и обращается к нему.*) Поди сюда, ты был другом того, кто умер, ведь так? Еще не довольно мертвых. Скажи солдатам, чтобы они спустились и принесли мне то, что я прошу, что обещал мне тетрарх, что мне принадлежит. (*Паж отступает. Она обращается к солдатам.*) Подите сюда, солдаты. Спуститесь в этот водоем и принесите мне голову этого человека. (*Солдаты отступают.*) Тетрарх, тетрарх, прикажи твоим солдатам принести мне голову Иоканаана. (*Большая черная рука, рука палача, показывается из водоема, держа на серебряном щите голову Иоканаана. Саломея ее схватывает. Ирод скрывает свою голову в мантии. Иродиада улыбается и опахивается веером. Назаряне опускаются на колени и начинают молиться.*) А, ты не хотел мне дать поцеловать твой рот, Иоканаан. Хорошо, теперь я поцелую его. Я укушу его зубами своими, как кусают зрелый плод. Да, я поцелую твой рот, Иоканаан. Не говорила ли я тебе? Ведь говорила? Так вот! Я поцелую его теперь. Но почему ты не смотришь на меня, Иоканаан? Твои глаза, которые были так страшны, которые были полны гнева и презрения, закрыты теперь. Почему они закрыты? Открой глаза твои! Приподними твои веки, Иоканаан. Почему ты не смотришь на меня? Ты боишься меня, Иоканаан, что не смотришь на меня?.. А язык твой, подобный красной змее, источающей яды, он не шевелится больше, он ничего не говорит теперь, Иоканаан, эта красная ехидна, которая своим ядом оплевала меня. Не странно ли это? Как же случилось, что эта красная ехидна не шевелится больше? Ты не захотел меня, Иоканаан. Ты оттолкнул меня. Ты говорил мне позорящие меня слова. Ты обращался со мной, как с распутной, как с продажной, со мной, Саломеей, дочерью Иродиады, царевной иудейской! А теперь, Иоканаан, я жива еще, а ты мертв, и твоя голова принадлежит мне. Я могу с нею делать, что хочу. Я могу ее бросить собакам и птицам в воздухе. Что оставят собаки, съедят птицы в воздухе... А! Иоканаан! Иоканаан, ты был единственный человек, которого я любила. Все другие внушают мне отвращение. Но ты, ты был красив. Твое

тело было подобно колонне из слоновой кости на подножии из серебра. Оно было подобно саду, полному голубей и серебряных лилий. Оно было подобно башне из серебра, украшенной щитами из слоновой кости. Ничего на свете не было белее твоего тела. Ничего на свете не было чернее твоих волос. В целом свете не было ничего краснее твоего рта. Твой голос был жертвенным сосудом, изливающим странное благовоние, и, когда я смотрела на тебя, я слышала странную музыку! А! Почему ты не смотрел на меня, Иоканаан? За твоими руками и за хулениями твоими скрыл ты лицо свое. На глаза свои ты надел повязку, как тот, кто хочет видеть своего Бога. Ну что же, ты видел своего Бога, Иоканаан, но меня, меня ты никогда не видал. Если бы ты меня увидел, ты полюбил бы меня. Я видела тебя, Иоканаан, и я полюбила тебя! Я еще люблю тебя, Иоканаан. Тебя одного. Твоей красоты я жажду. Тела твоего я хочу. И ни вино, ни плоды не могут утолить желаний моего. Что буду я делать теперь, Иоканаан? Ни реки, ни великие воды не погасят моей страсти. Царевной была я, ты презрел меня. Девушкой была я, ты лишил меня девственности. Целомудренна я была, ты зажег огонь в моих жилах... А! А! Почему ты не посмотрел на меня, Иоканаан? Если бы ты посмотрел, ты полюбил бы меня. Я знаю, ты полюбил бы меня, потому что тайна любви больше, чем тайна смерти. Лишь на любовь надо смотреть.

Ирод. Она чудовищна, твоя дочь, она совершенно чудовищна. То, что она сделала, большое преступление. Я уверен, что это преступление против какого-нибудь неведомого Бога.

Иродиада. Я одобряю, что сделала моя дочь, и теперь хочу остаться здесь.

Ирод (вставая). А! Заговорила жена-кровосмесительница! Пойдем! Я не хочу оставаться здесь. Идем, говорю я. Я уверен, что случится несчастье. Манассия, Иссахар, Осия, тушите факелы. Я ничего не хочу видеть, не хочу, чтобы меня что-нибудь видело. Тушите факелы. Скройте луну. Скройте звезды. Скроемся в нашем дворце, Иродиада. Я начинаю бояться.

Рабы тушат факелы. Звезды исчезают. Большое черное облако проходит и совсем закрывает луну. Совершенно темнеет. Тетрарх начинает подниматься по лестнице.

Голос Саломеи. А! Я поцеловала твой рот, Иоканаан, я поцеловала твой рот. На твоих губах был острый вкус. Был это вкус крови?.. Может быть, это вкус любви. Говорят, у любви острый вкус. Но все равно. Все равно. Я поцеловала твой рот, Иоканаан, я поцеловала твой рот.

Луч луны падает на Саломею и освещает ее.

Ирод (оборачивается и видит Саломею). Убейте эту женщину.

Солдаты бросаются и щитами своими раздавливают Саломею, дочь Иродиады, царевну иудейскую.

Портрет Дориана Грея

Предисловие

Художник – тот, кто создает прекрасное. Раскрыть людям себя и скрыть художника – вот к чему стремится искусство.

Критик – это тот, кто способен в новой форме или новыми средствами передать свое впечатление от прекрасного.

Высшая, как и низшая, форма критики – один из видов автобиографии.

Те, кто в прекрасном находят дурное, – люди испорченные, и притом испорченность не делает их привлекательными. Это большой грех.

Те, кто способен узреть в прекрасном его высокий смысл, – люди культурные. Они не безнадёжны. Но избраннык – тот, кто в прекрасном видит лишь одно: Красоту.

Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все.

Ненависть девятнадцатого века к Реализму – это ярость Калибана, увидевшего себя в зеркале. Ненависть девятнадцатого века к Романтизму – это ярость Калибана, не находящего в зеркале своего отражения.

Для художника нравственная жизнь человека – лишь одна из тем его творчества.

Этика же искусства – в совершенном применении несовершенных средств.

Художник не стремится что-то доказывать. Доказать можно даже неоспоримые истины. Художник не моралист. Подобная склонность художника дает непростительную манерность стиля. Не приписывайте художнику нездоровых тенденций: ему дозволено изображать все.

Мысль и Слово для художника – средства Искусства. Порок и Добродетель – материал для его творчества. Если говорить о форме – прообразом всех искусств является искусство музыканта. Если говорить о чувстве – искусство актера.

Во всяком искусстве есть то, что лежит на поверхности, и символ. Кто пытается проникнуть глубже поверхности, тот идет на риск.

И кто раскрывает символ, идет на риск. В сущности, Искусство – зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь. Если произведение искусства вызывает споры, – значит, в нем есть нечто новое, сложное и значительное.

Пусть критики расходятся во мнениях, – художник остается верен себе.

Можно простить человеку, который делает нечто полезное, если только он этим не возгордится. Тому же, кто создает бесполезное, единственным оправданием служит лишь страстная любовь к своему творению.

Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

Глава I

Густой аромат роз наполнял мастерскую художника, а когда в саду поднимался летний ветерок, он, влетая в открытую дверь, приносил с собой то пьянящий запах сирени, то нежное благоухание алых цветов боярышника.

С покрытого персидскими чепраками дивана, на котором лежал лорд Генри Уоттон, куря, как всегда, одну за другой бесчисленные папиросы, был виден только куст ракитника – его золотые и душистые, как мед, цветы жарко пылали на солнце, а трепещущие ветви, казалось, едва выдерживали тяжесть этого сверкающего великолепия; по временам на длинных шелковых занавесах громадного окна мелькали причудливые тени пролетавших мимо птиц, создавая на миг подобие японских рисунков, – и тогда лорд Генри думал о желтолицых художниках далекого Токио, стремившихся передать движение и порыв средствами искусства, по природе своей статичного. Сердитое жужжание пчел, пробиравшихся в нескошенную высокую траву или однообразно и настойчиво круживших над осыпанной золотой пылью кудрявой жимолостью, казалось, делало тишину еще более гнетущей. Глухой шум Лондона доносился сюда, как гудение далекого органа.

Посреди комнаты стоял на мольберте портрет молодого человека необыкновенной красоты, а перед мольбертом, немного поодаль, сидел и художник, тот самый Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение несколько лет назад так взволновало лондонское общество и вызвало столько самых фантастических предположений.

Художник смотрел на прекрасного юношу, с таким искусством отображенного им на портрете, и довольная улыбка не сходила с его лица. Но вдруг он вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к векам, словно желая удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь проснуться.

– Это лучшая твоя работа, Бэзил, лучшее из всего того, что тобой написано, – лениво промолвил лорд Генри. – Непременно надо в будущем году послать ее на выставку в Гровенор. В Академию не стоит. Академия слишком обширна и общедоступна. Когда ни придешь, встречаешь там столько людей, что не видишь картин, или столько картин, что не удастся людей посмотреть. Первое очень неприятно, второе еще хуже. Нет, единственное подходящее место – это Гровенор.

– А я вообще не собираюсь выставлять этот портрет, – отозвался художник, откинув голову, по своей характерной привычке, над которой, бывало, подтрунивали его товарищи в Оксфордском университете. – Нет, никуда я его не пошлю.

Удивленно подняв брови, лорд Генри посмотрел на Бэзила сквозь голубой дым, причудливыми кольцами поднимавшийся от его пропитанной опиумом папиросы.

– Никуда не пошлешь? Это почему же? По какой такой причине, мой милый? Чудаки, право, эти художники! Из кожи лезут, чтобы добиться известности, а когда слава приходит, они как будто тяготеют к ней. Как это глупо! Если неприятно, когда о тебе много говорят, то еще хуже, когда о тебе совсем не говорят. Этот портрет вознес бы тебя, Бэзил, много выше всех молодых художников Англии, а старым внушил бы сильную зависть, если старики вообще еще способны испытывать какие-либо чувства.

– Знаю, ты будешь надо мною смеяться, – возразил художник, – но я, право, не могу выставить напоказ этот портрет... Я вложил в него слишком много самого себя.

Лорд Генри расхохотался, поудобнее устраиваясь на диване.

– Ну вот, я так и знал, что тебе это покажется смешным. Тем не менее это истинная правда.

– Слишком много самого себя? Ей-богу, Бэзил, я не подозревал в тебе такого самомнения. Не вижу ни малейшего сходства между тобой, мой черноволосый, суроволицый друг, и

этим юным Адонисом, словно созданным из слоновой кости и розовых лепестков. Пойми, Бэзил, он – Нарцисс, а ты... Ну, конечно, лицо у тебя одухотворенное и все такое. Но красота, подлинная красота, исчезает там, где появляется одухотворенность. Высокоразвитый интеллект уже сам по себе некоторая аномалия, он нарушает гармонию лица. Как только человек начнет мыслить, у него непропорционально вытягивается нос, или увеличивается лоб, или что-нибудь другое портит его лицо. Посмотри на выдающихся деятелей любой ученой профессии – как они уродливы! Исключение составляют, конечно, наши духовные пастыри, – но эти ведь не утруждают своих мозгов. Епископ в восемьдесят лет продолжает твердить то, что ему внушали, когда он был восемнадцатилетним юнцом, – естественно, что лицо его сохраняет красоту и благообразие. Судя по портрету, твой таинственный молодой приятель, чье имя ты упорно не хочешь назвать, очарователен, – значит, он никогда ни о чем не думает. Я в этом совершенно убежден. Наверное, он – безмозглое и прелестное божье создание, которое нам следовало бы всегда иметь перед собой: зимой, когда нет цветов, – чтобы радовать глаза, а летом – чтобы освежать разгоряченный мозг. Нет, Бэзил, не льсти себе: ты ничуть на него не похож.

– Ты меня не понял, Гарри, – сказал художник. – Разумеется, между мною и этим мальчиком нет никакого сходства. Я это отлично знаю. Да я бы и не хотел быть таким, как он. Ты пожимаешь плечами, не веришь? А между тем я говорю вполне искренне. В судьбе людей, физически или духовно совершенных, есть что-то роковое – точно такой же рок на протяжении всей истории как будто направлял неверные шаги королей. Гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. В этом мире всегда остаются в барыше глупцы и уроды. Они могут сидеть спокойно и смотреть на борьбу других. Им не дано узнать торжество побед, но зато они избавлены от горечи поражений. Они живут так, как следовало бы жить всем нам, – без всяких тревожений, безмятежно, ко всему равнодушные. Они никого не губят и сами не гибнут от вражеской руки... Ты знатен и богат, Гарри, у меня есть интеллект и талант, как бы он ни был мал, у Дориана Грея – его красота. И за все эти дары богов мы расплатимся когда-нибудь, заплатим тяжкими страданиями.

– Дориана Грея? Ага, значит, вот как его зовут? – спросил лорд Генри, подходя к Холлуорду.

– Да. Я не хотел называть его имя...

– Но почему же?

– Как тебе объяснить... Когда я очень люблю кого-нибудь, я никогда никому не называю его имени. Это все равно что отдать другим какую-то частицу дорогого тебе человека. И знаешь – я стал скрытен, мне нравится иметь от людей тайны. Это, пожалуй, единственное, что может сделать для нас современную жизнь увлекательной и загадочной. Самая обыкновенная бездельница приобретает удивительный интерес, как только начинаешь скрывать ее от людей. Уезжая из Лондона, я теперь никогда не говорю своим родственникам, куда еду. Скажи я им – и все удовольствие пропадет. Это смешная прихоть, согласен, но она каким-то образом вносит в мою жизнь изрядную долю романтики. Ты, конечно, скажешь, что это ужасно глупо?

– Нисколько, – возразил лорд Генри. – Нисколько, дорогой Бэзил! Ты забываешь, что я человек женатый, а в том и состоит единственная прелесть брака, что обеим сторонам неизбежно приходится изощряться во лжи. Я никогда не знаю, где моя жена, и моя жена не знает, чем занят я. При встречах, – а мы с ней иногда встречаемся, когда вместе обедаем в гостях или бываем с визитом у герцога, – мы с самым серьезным видом рассказываем друг другу всякие небылицы. Жена делает это гораздо лучше, чем я. Она никогда не запутается, а со мной это бывает постоянно. Впрочем, если ей случается меня уличить, она не сердится и не устраивает сцен. Иной раз мне это даже досадно. Но она только подшучивает надо мной.

– Терпеть не могу, когда ты в таком тоне говоришь о своей семейной жизни, Гарри, – сказал Бэзил Холлуорд, подходя к двери в сад. – Я уверен, что на самом деле ты прекрасный муж,

но стыдишься своей добродетели. Удивительный ты человек! Никогда не говоришь ничего нравственного – и никогда не делаешь ничего безнравственного. Твой цинизм – только поза.

– Знаю, что быть естественным – это поза, и самая ненавистная людям поза! – воскликнул лорд Генри со смехом.

Молодые люди вышли в сад и уселись на бамбуковой скамье в тени высокого лаврового куста. Солнечные зайчики скользили по его блестящим, словно лакированным листьям. В траве тихонько покачивались белые маргаритки.

Некоторое время хозяин и гость сидели молча. Потом лорд Генри посмотрел на часы.

– Ну, к сожалению, мне пора, Бэзил, – сказал он. – Но раньше, чем я уйду, ты должен ответить мне на вопрос, который я задал тебе.

– Какой вопрос? – спросил художник, не поднимая глаз.

– Ты отлично знаешь какой.

– Нет, Гарри, не знаю.

– Хорошо, я тебе напомню. Объясни, пожалуйста, почему ты решил не посылать на выставку портрет Дориана Грея. Я хочу знать правду.

– Я и сказал тебе правду.

– Нет. Ты сказал, что в этом портрете слишком много тебя самого. Но ведь это же ребячество!

– Пойми, Гарри. – Холлуорд посмотрел в глаза лорду Генри. – Всякий портрет, написанный с любовью, – это, в сущности, портрет самого художника, а не того, кто ему позировал. Не его, а самого себя раскрывает на полотне художник. И я боюсь, что портрет выдаст тайну моей души. Потому и не хочу его выставить.

Лорд Генри расхохотался.

– И что же это за тайна? – спросил он.

– Так и быть, расскажу тебе, – начал Холлуорд как-то смущенно.

– Ну-с? Я сгораю от нетерпения, Бэзил, – настаивал лорд Генри, поглядывая на него.

– Да говорить-то тут почти нечего, Гарри... И вряд ли ты меня поймешь. Пожалуй, даже не согласишься.

Лорд Генри только усмехнулся в ответ и, наклонясь, сорвал в траве розовую маргаритку.

– Я совершенно уверен, что пойму, – отозвался он, внимательно разглядывая золотистый с белой опушкой пестик цветка. – А поверить я способен во что угодно, и тем охотнее, чем оно невероятнее.

Налетевший ветерок стряхнул несколько цветков с деревьев; тяжелые кисти сирени, словно сотканные из звездочек, медленно закачались в разнеженной зноем сонной тишине. У стены трещал кузнечик. Длинной голубой нитью на прозрачных коричневых крылышках промелькнула в воздухе стрекоза... Лорду Генри казалось, что он слышит, как стучит сердце в груди Бэзила, и он пытался угадать, что будет дальше.

– Ну, так вот... – заговорил художник, немного помолчав. – Месяца два назад мне пришлось быть на рауте у леди Брэндон. Ведь нам, бедным художникам, следует время от времени появляться в обществе, хотя бы для того, чтобы показать людям, что мы не дикари. Помню твои слова, что во фраке и белом галстуке кто угодно, даже биржевой маклер, может сойти за цивилизованного человека.

В гостиной леди Брэндон я минут десять беседовал с разряженными в пух и прах знатными вдовами и с нудными академиками, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Я оглянулся и тут-то в первый раз увидел Дориана Грея. Глаза наши встретились, и я почувствовал, что бледнею. Меня охватил какой-то инстинктивный страх, и я понял: передо мной человек настолько обаятельный, что, если я поддамся его обаянию, он поглотит меня всего, мою душу и даже мое искусство. А я не хотел никаких посторонних влияний в моей жизни. Ты знаешь, Генри, какой у меня независимый характер. Я всегда был сам себе хозяин... во всяком слу-

чае, до встречи с Дорианом Греем. Ну а тут... не знаю, как и объяснить тебе... Внутренний голос говорил мне, что я накануне страшного перелома в жизни. Я смутно предчувствовал, что судьба готовит мне необычайные радости и столь же изощренные мучения. Мне стало жутко, и я уже шагнул было к двери, решив уйти. Сделал я это почти бессознательно, из какой-то трусости. Конечно, попытка сбежать не делает мне чести. По совести говоря...

– Совесть и трусость, в сущности, одно и то же, Бэзил. «Совесть» – официальное название трусости, вот и все.

– Не верю я этому, Гарри, да и ты, мне думается, не веришь... Словом, не знаю, из каких побуждений, – быть может, из гордости, так как я очень горд, – я стал пробираться к выходу. Однако у двери меня, конечно, перехватила леди Брэндон. «Уж не намерены ли вы сбежать так рано, мистер Холлуорд?» – закричала она. Знаешь, какой у нее пронзительный голос!

– Еще бы! Она – настоящий павлин, только без его красоты, – подхватил лорд Генри, разрывая маргаритку длинными нервными пальцами.

– Мне не удалось от нее отделаться. Она представила меня высочайшим особам, потом разным сановникам в звездах и орденах Подвязки и каким-то старым дамам в огромных диадемах и с крючковатыми носами. Всем она рекомендовала меня как своего лучшего друга, хотя видела меня второй раз в жизни. Видно, она забрала себе в голову включить меня в свою коллекцию знаменитостей. Кажется, в ту пору какая-то из моих картин имела большой успех, – во всяком случае, о ней болтали в грошовых газетах, а в наше время это патент на бессмертие.

И вдруг я очутился лицом к лицу с тем самым юношей, который с первого взгляда вызвал в моей душе столь странное волнение. Он стоял так близко, что мы почти столкнулись. Глаза наши встретились снова. Тут я безрассудно попросил леди Брэндон познакомить нас. Впрочем, это, пожалуй, было не такое уж безрассудство: все равно, если бы нас и не познакомили, мы неизбежно заговорили бы друг с другом. Я в этом уверен. Это же самое сказал мне потом Дориан. И он тоже сразу почувствовал, что нас свел не случай, а судьба.

– А что же леди Брэндон сказала тебе об этом очаровательном юноше? – спросил лорд Генри. – Я ведь знаю ее манеру бегло давать *résumé*¹ каждому гостю. Помню, как она раз подвела меня к какому-то грозному краснолицему старцу, увешанному орденами и лентами, а по дороге трагическим шепотом – его, наверное, слышали все в гостиной – сообщала мне на ухо самые ошеломительные подробности его биографии. Я просто-напросто сбежал от нее. Я люблю сам, без чужой помощи, разбираться в людях. А леди Брэндон описывает своих гостей точь-в-точь как оценщик на аукционе продающиеся с молотка вещи: она либо рассказывает о них самое сокровенное, либо сообщает вам все, кроме того, что вы хотели бы узнать.

– Бедная леди Брэндон! Ты слишком уж строг к ней, Гарри, – рассеянно заметил Холлуорд.

– Дорогой мой, она стремилась создать у себя «салон», но получился попросту ресторан. А ты хочешь, чтобы я ею восхищался? Ну, бог с ней, скажи-ка мне лучше, как она отозвалась о Дориане Грее?

– Пробормотала что-то такое вроде: «Прелестный мальчик... мы с его бедной матерью были неразлучны... Забыла, чем он занимается... Боюсь, что ничем... Ах да, играет на рояле... Или на скрипке, дорогой мистер Грей?» Оба мы не могли удержаться от смеха, и это нас как-то сразу сблизило.

– Недурно, если дружба начинается смехом, и лучше всего, если она им же кончается, – заметил лорд Генри, срывая еще одну маргаритку.

Холлуорд покачал головой.

¹ Краткую характеристику, краткий обзор (*фр.*).

– Ты не знаешь, что такое настоящая дружба, Гарри, – сказал он тихо. – Да и вражда настоящая тебе тоже незнакома. Ты любишь всех, а любить всех – значит не любить никого. Тебе все одинаково безразличны.

– Как ты несправедлив ко мне! – воскликнул лорд Генри. Сдвинув шляпу на затылок, он смотрел на облачка, проплывавшие в бирюзовой глубине летнего неба и похожие на растрепанные мотки блестящего шелка. – Да, да, возмутительно несправедлив! Я далеко не одинаково отношусь к людям. В близкие друзья выбираю себе людей красивых, в приятели – людей с хорошей репутацией, врагов завожу только умных. Тщательнее всего следует выбирать врагов. Среди моих недругов нет ни единого глупца. Все они – люди мыслящие, достаточно интеллигентные и потому умеют меня ценить. Ты скажешь, что мой выбор объясняется тщеславием? Что ж, пожалуй, это верно.

– И я так думаю, Гарри. Между прочим, согласно твоей схеме, я тебе не друг, а просто приятель?

– Дорогой мой Бэзил, ты для меня гораздо больше, чем «просто приятель».

– И гораздо меньше, чем друг? Значит, что-то вроде брата, не так ли?

– Ну, нет! К братьям своим я не питаю нежных чувств. Мой старший брат никак не хочет умереть, а младшие только это и делают.

– Гарри! – остановил его Холлуорд, нахмутив брови.

– Дружище, это же говорится не совсем всерьез. Но, признаюсь, я действительно не терплю свою родню. Это потому, должно быть, что мы не выносим людей с теми же недостатками, что у нас. Я глубоко сочувствую английским демократам, которые возмущаются так называемыми « пороками высших классов». Люди низшего класса инстинктивно понимают, что пьянство, глупость и безнравственность должны быть *их* привилегиями, и если кто-либо из нас страдает этими пороками, он тем самым как бы узурпирует их права. Когда бедняга Саутуорк вздумал развестись с женой, негодование масс было прямо-таки великолепно. Между тем я не поручусь за то, что хотя бы десять процентов пролетариев ведет добродетельный образ жизни.

– Во всем, что ты тут нагородил, нет ни единого слова, с которым можно согласиться, Гарри! И ты, конечно, сам в это не веришь.

Лорд Генри погладил каштановую бородку, похлопал своей черной тростью с кисточкой по носку лакированного ботинка.

– Какой ты истый англичанин, Бэзил! Вот уже второй раз я слышу от тебя это замечание. Попробуй высказать какую-нибудь мысль типичному англичанину, – а это большая неосторожность! – так он и не подумает разобраться, верная это мысль или неверная. Его интересует только одно: убежден ли ты сам в том, что говоришь. А между тем важна идея, независимо от того, искренне ли верит в нее тот, кто ее высказывает. Идея, пожалуй, имеет тем большую самостоятельную ценность, чем менее верит в нее тот, от кого она исходит, ибо она тогда не отражает его желаний, нужд и предрассудков... Впрочем, я не собираюсь обсуждать с тобой политические, социологические или метафизические вопросы. Люди меня интересуют больше, чем их принципы, а интереснее всего – люди без принципов. Поговорим о Дориане Грее. Часто вы встречаетесь?

– Каждый день. Я чувствовал бы себя несчастным, если бы не виделся с ним ежедневно. Я без него жить не могу.

– Вот чудеса! А я-то думал, что ты всю жизнь будешь любить только свое искусство.

– Дориан для меня теперь – все мое искусство, – сказал художник серьезно. – Видишь ли, Гарри, иногда я думаю, что в истории человечества есть только два важных момента. Первый – это появление в искусстве новых средств выражения, второй – появление в нем нового образа. И лицо Дориана Грея когда-нибудь станет для меня тем, чем было для венецианцев изобретение масляных красок в живописи или для греческой скульптуры – лик Антиноя. Конечно, я

пишу Дориана красками, рисую, делаю эскизы... Но дело не только в этом. Он для меня гораздо больше, чем модель или натурщик. Я не говорю, что не удовлетворен своей работой, я не стану тебя уверять, что такую красоту невозможно отобразить в искусстве. Нет ничего такого, чего не могло бы выразить искусство. Я вижу – то, что я написал со времени моего знакомства с Дорианом Греем, написано хорошо, это моя лучшая работа. Не знаю, как это объяснить и поймешь ли ты меня... Встреча с Дорианом словно дала мне ключ к чему-то совсем новому в живописи, открыла мне новую манеру письма. Теперь я вижу вещи в ином свете и все воспринимаю по-иному. Я могу в своем искусстве воссоздавать жизнь средствами, которые прежде были мне неведомы. «Мечта о форме в дни, когда царствует мысль», – кто это сказал? Не помню. И такой мечтой стал для меня Дориан Грей. Одно присутствие этого мальчика – в моих глазах он еще мальчик, хотя ему уже минуло двадцать лет... ах, не знаю, можешь ли ты себе представить, что значит для меня его присутствие! Сам того не подозревая, он открывает мне черты какой-то новой школы, школы, которая будет сочетать в себе всю страстность романтизма и все совершенство эллинизма. Гармония духа и тела – как это прекрасно! В безумии своем мы разлучили их, мы изобрели вульгарный реализм и пустой идеализм. Ах, Гарри, если бы ты только знал, что для меня Дориан Грей! Помнишь тот пейзаж, за который Эгнью предлагал мне громадные деньги, а я не захотел с ним расстаться? Это одна из лучших моих картин. А почему? Потому что, когда я ее писал, Дориан Грей сидел рядом. Какое-то его неуловимое влияние на меня помогло мне впервые увидеть в обыкновенном лесном пейзаже чудо, которое я всегда искал и не умел найти.

– Бэзил, это поразительно! Я должен увидеть Дориана Грея!

Холлуорд поднялся и стал ходить по саду. Через несколько минут он вернулся к скамье.

– Пойми, Гарри, – сказал он, – Дориан Грей для меня попросту мотив в искусстве. Ты, быть может, ничего не увидишь в нем, а я вижу все... И в тех моих картинах, на которых Дориан не изображен, его влияние чувствуется всего сильнее. Как я уже тебе сказал, он словно подсказывает мне новую манеру письма. Я нахожу его, как откровение, в изгибах некоторых линий, в нежной прелести иных тонов. Вот и все.

– Но почему же тогда ты не хочешь выставить его портрет? – спросил лорд Генри.

– Потому что я невольно выразил в этом портрете ту непостижимую влюбленность художника, в которой я, разумеется, никогда не признавался Дориану. Дориан о ней не знает. И никогда не узнает. Но другие люди могли бы отгадать правду, а я не хочу обнажать душу перед их любопытными и близорукими глазами. Никогда я не позволю им рассматривать мое сердце под микроскопом. Понимаешь теперь, Гарри? В это полотно я вложил слишком много души, слишком много самого себя.

– А вот поэты – те не так стыдливы, как ты. Они прекрасно знают, что о любви писать выгодно, на нее большой спрос. В наше время разбитое сердце выдерживает множество изданий.

– Я презираю таких поэтов! – воскликнул Холлуорд. – Художник должен создавать прекрасные произведения искусства, не внося в них ничего из своей личной жизни. В наш век люди думают, что произведение искусства должно быть чем-то вроде автобиографии. Мы утратили способность отвлеченно воспринимать красоту. Я надеюсь когда-нибудь показать миру, что такое абстрактное чувство прекрасного, – и потому-то мир никогда не увидит портрет Дориана Грея.

– По-моему, ты не прав, Бэзил, но не буду с тобой спорить. Спорят только безнадежные кретины. Скажи, Дориан Грей очень тебя любит?

Художник задумался.

– Дориан ко мне привязан, – ответил он после недолгого молчания. – Знаю, что привязан. Оно и понятно: я ему всячески льщу. Мне доставляет странное удовольствие говорить ему вещи, которые говорить не следовало бы, – хоть я и знаю, что потом пожалею об этом. В общем,

он относится ко мне очень хорошо, и мы проводим вдвоем целые дни, беседуя на тысячу тем. Но иногда он бывает ужасно не чуток, и ему как будто очень нравится мучить меня. Тогда я чувствую, Гарри, что отдал всю душу человеку, для которого она – то же, что цветок в петлице, украшение, которым он будет тешить свое тщеславие только один летний день.

– Летние дни долги, Бэзил, – сказал вполголоса лорд Генри. – И, быть может, ты пресытишься раньше, чем Дориан. Как это ни печально, Гений, несомненно, долговечнее Красоты. Потому-то мы так и стремимся сверх всякой меры развивать свой ум. В жестокой борьбе за существование мы хотим сохранить хоть что-нибудь устойчивое, прочное и начинаем голову фактами и всяким хламом в бессмысленной надежде удержать за собой место в жизни. Высокообразованный, сведущий человек – вот современный идеал. А мозг такого высокообразованного человека – это нечто страшное. Он подобен лавке антиквария, набитой всяким пыльным старьем, где каждая вещь оценена гораздо выше своей настоящей стоимости... Да, Бэзил, я все-таки думаю, что ты пресытишься первый. В один прекрасный день ты взглянешь на своего друга – и красота его покажется тебе уже немного менее гармоничной, тебе вдруг не понравится тон его кожи или что-нибудь еще. В душе ты горько упрекнешь в этом *его* и самым серьезным образом начнешь думать, будто он в чем-то виноват перед тобой. При следующем свидании ты будешь уже совершенно холоден и равнодушен. И можно только очень пожалеть об этой будущей перемене в тебе. То, что ты мне сейчас рассказал, – настоящий роман. Можно сказать, роман на почве искусства. А пережив роман своей прежней жизни, человек – увы! – становится так прозаичен!

– Не говори так, Гарри. Я на всю жизнь пленен Дорианом. Тебе меня не понять: ты такой непостоянный.

– Ах, дорогой Бэзил, именно поэтому я и способен понять твои чувства. Тем, кто верен в любви, доступна лишь ее банальная сущность. Трагедию же любви познают лишь те, кто изменяет.

Достав изящную серебряную спичечницу, лорд Генри закурил папиросу с самодовольным и удовлетворенным видом человека, сумевшего вместить в одну фразу всю житейскую мудрость.

В блестящих зеленых листьях плюща возились и чирикали воробьи, голубые тени облаков, как стаи быстрых ласточек, скользили по траве. Как хорошо было в саду! «И как увлекательно-интересны чувства людей, гораздо интереснее их мыслей! – говорил себе лорд Генри. – Собственная душа и страсти друзей – вот что самое занятное в жизни».

Он с тайным удовольствием вспомнил, что, засидевшись у Бэзила Холлуорда, пропустил скучный завтрак у своей тетушки. У нее, несомненно, завтракает сегодня лорд Гудбоди, и разговор все время вертится вокруг образцовых столовых и ночлежных домов, которые необходимо открыть для бедняков. При этом каждый восхваляет те добродетели, в которых ему самому нет надобности упражняться: богачи проповедуют бережливость, а бездельники красноречиво распространяются о великом значении труда. Как хорошо, что на сегодня он избавлен от всего этого!

Мысль о тетушке вдруг вызвала в уме лорда Генри одно воспоминание. Он повернулся к Холлуорду.

– Знаешь, я сейчас вспомнил...

– Что вспомнил, Гарри?

– Вспомнил, где я слышал про Дориана Грея.

– Где же? – спросил Холлуорд, сдвинув брови.

– Не смотри на меня так сердито, Бэзил. Это было у моей тетушки, леди Агаты. Она рассказывала, что нашла премилого молодого человека, который обещал помогать ей в Ист-Энде, и зовут его Дориан Грей. Заметь, она и словом не упомянула о его красоте. Женщины, – во всяком случае, добродетельные женщины, – не ценят красоту. Тетушка сказала только, что

он юноша серьезный, с прекрасным сердцем, – и я сразу представил себе субъекта в очках, с прямыми волосами, веснушчатой физиономией и огромными ногами. Жаль, я тогда не знал, что этот Дориан – твой друг.

– А я очень рад, что ты этого не знал, Гарри.

– Почему?

– Я не хочу, чтобы вы познакомились.

– Не хочешь, чтобы мы познакомились?

– Нет.

– Мистер Дориан Грей в студии, сэр, – доложил лакей, появляясь в саду.

– Ага, теперь тебе волей-неволей придется нас познакомить! – со смехом воскликнул лорд Генри.

Художник повернулся к лакею, который стоял, жмурясь от солнца.

– Попросите мистера Грея подождать, Паркер: я сию минуту приду.

Лакей поклонился и пошел по дорожке к дому. Тогда Холлуорд посмотрел на лорда Генри.

– Дориан Грей – мой лучший друг, – сказал он. – У него открытая и светлая душа – твоя тетушка была совершенно права. Смотри, Гарри, не испорти его! Не пытайся на него влиять. Твое влияние было бы губительно для него. Свет велик, в нем много интереснейших людей. Так не отнимай же у меня единственного человека, который вдохнул в мое искусство то прекрасное, что есть в нем. Все мое будущее художника зависит от него. Помни, Гарри, я надеюсь на твою совесть!

Он говорил очень медленно, и слова, казалось, вырывались у него помимо воли.

– Что за глупости! – с улыбкой перебил лорд Генри и, взяв Холлуорда под руку, почти насильно повел его в дом.

Глава II

В мастерской они застали Дориана Грея. Он сидел за роялем, спиной к ним, и перелистывал шумановский альбом «Лесные картинки».

– Что за прелесть! Я хочу их разучить, – сказал он, не оборачиваясь. – Дайте их мне на время, Бэзил.

– Дам, если вы сегодня будете хорошо позировать, Дориан.

– Ох, надоело мне это! И я вовсе не стремлюсь иметь свой портрет в натуральную величину, – возразил юноша капризно. Повернувшись на табурете, он увидел лорда Генри и поспешно встал, порозовев от смущения. – Извините, Бэзил, я не знал, что у вас гость.

– Знакомьтесь, Дориан, это лорд Генри Уоттон, мой старый товарищ по университету. Я только что говорил ему, что вы превосходно позируете, а вы своим брюзжанием все испортили!

– Но ничуть не испортили мне удовольствия познакомиться с вами, мистер Грей, – сказал лорд Генри, подходя к Дориану и протягивая ему руку. – Я много слышал о вас от моей тетушки. Вы – ее любимец и, боюсь, одна из ее жертв.

– Как раз теперь я у леди Агаты на плохом счету, – отозвался Дориан с забавно-покаянным видом. – Я обещал в прошлый вторник поехать с ней на концерт в один уайтчепл-ский клуб – и совершенно забыл об этом. Мы должны были там играть с ней в четыре руки, – кажется, даже целых три дуэта. Уж не знаю, как она теперь меня встретит. Боюсь показаться ей на глаза.

– Ничего, я вас помирю. Тетушка Агата вас очень любит. И то, что вы не выступили вместе с нею на концерте, вряд ли так уж важно. Публика, вероятно, думала, что исполняется дуэт, – ведь за роялем тетя Агата вполне может нашуметь за двоих.

– Такое мнение крайне обидно для нее и не очень-то лестно для меня, – сказал Дориан, смеясь.

Лорд Генри смотрел на Дориана, любуясь его ясными голубыми глазами, золотистыми кудрями, изящным рисунком алого рта. Этот юноша в самом деле был удивительно красив, и что-то в его лице сразу внушало доверие. В нем чувствовалась искренность и чистота юности, ее целомудренная пылкость. Легко было поверить, что жизнь еще ничем не загрязнила этой молодой души. Недаром Бэзил Холлуорд боготворил Дориана!

– Ну можно ли такому очаровательному молодому человеку заниматься благотворительностью! Нет, вы для этого слишком красивы, мистер Грей, – сказал лорд Генри и, развалившись на диване, достал свой портсигар.

Художник тем временем приготовил кисти и смешивал краски на палитре. На хмуром его лице было заметно сильное беспокойство. Услышав последнее замечание лорда Генри, он быстро оглянулся на него и после минутного колебания сказал:

– Гарри, мне хотелось бы закончить сегодня портрет. Ты не обидишься, если я попрошу тебя уйти?

Лорд Генри с улыбкой посмотрел на Дориана.

– Уйти мне, мистер Грей?

– Ах нет, лорд Генри, пожалуйста, не уходите! Бэзил, я вижу, сегодня опять в дурном настроении, а я терпеть не могу, когда он сердится. Притом вы еще не объяснили, почему мне не следует заниматься благотворительностью?

– Стоит ли объяснять это, мистер Грей? На такую скучную тему говорить пришлось бы серьезно. Но я, конечно, не уйду, раз вы меня просите остаться. Ты ведь не будешь возражать, Бэзил? Ты сам не раз говорил мне, что любишь, когда кто-нибудь занимает тех, кто тебе позирует.

Холлуорд закусил губу.

– Конечно, оставайся, раз Дориан этого хочет. Его прихоти – закон для всех, кроме него самого.

Лорд Генри взял шляпу и перчатки.

– Несмотря на твои настояния, Бэзил, я, к сожалению, должен вас покинуть. Я обещал встретиться кое с кем в Орлеанском клубе. До свиданья, мистер Грей. Навестите меня как-нибудь на Керзон-стрит. В пять я почти всегда дома. Но лучше вы сообщите заранее, когда захотите прийти: было бы обидно, если бы вы меня не застали.

– Бэзил, – воскликнул Дориан Грей, – если лорд Генри уйдет, я тоже уйду! Вы никогда рта не раскрываете во время работы, и мне ужасно надоедает стоять на подмостках и все время мило улыбаться. Попросите его не уходить!

– Оставайся, Гарри. Дориан будет рад, и меня ты этим очень обяжешь, – сказал Холлуорд, не отводя глаз от картины. – Я действительно всегда молчу во время работы и не слушаю, что мне говорят, так что моим бедным натурщикам, должно быть, нестерпимо скучно. Пожалуйста, посиди с нами.

– А как же мое свидание в клубе?

Художник усмехнулся.

– Не думаю, чтобы это было так уж важно. Садись, Гарри. Ну, а вы, Дориан, станьте на подмостки и поменьше вертитеесь. Да не очень-то слушайте лорда Генри – он на всех знакомых, кроме меня, оказывает самое дурное влияние.

Дориан Грей с видом юного мученика взошел на помост и, сделав легкую moue², переглянулся с лордом Генри. Этот друг Бэзила ему очень нравился. Он и Бэзил были совсем разные, составляли прелюбопытный контраст. И голос у лорда Генри был такой приятный! Выждав минуту, Дориан спросил:

– Лорд Генри, вы в самом деле так вредно влияете на других?

– Хорошего влияния не существует, мистер Грей. Всякое влияние уже само по себе безнравственно – безнравственно с научной точки зрения.

– Почему же?

– Потому что влиять на другого человека – это значит передать ему свою душу. Он начнет думать не своими мыслями, пылать не своими страстями. И добродетели у него будут не свои, и грехи, – если предположить, что таковые вообще существуют, – будут заимствованные. Он станет отголоском чужой мелодии, актером, выступающим в роли, которая не для него написана. Цель жизни – самовыражение. Проявить во всей полноте свою сущность – вот для чего мы живем. А в наш век люди стали бояться самих себя. Они забыли, что высший долг – это долг перед самим собой. Разумеется, они милосердны. Они накормят голодного, оденут нищего. Но их собственные души наги и умирают с голоду. Мы утратили мужество. А может быть, его у нас никогда и не было. Боязнь общественного мнения, эта основа морали, и страх перед богом, страх, на котором держится религия, – вот что властвует над нами. Между тем...

– Будьте добры, Дориан, поверните-ка голову немного вправо, – попросил художник. Поглощенный своей работой, он ничего не слышал и только подметил на лице юноши выражение, какого до сих пор никогда не видел.

– А между тем, – своим низким, певучим голосом продолжал лорд Генри с характерными для него плавными жестами, памятыми всем, кто знал его еще в Итоне, – мне думается, что, если бы каждый человек мог жить полной жизнью, давая волю каждому чувству и выражение каждой мысли, осуществляя каждую свою мечту, – мир ощутил бы вновь такой мощный порыв к радости, что забыты были бы все болезни Средневековья и мы вернулись бы к идеалам эллинизма, а может быть, и к чему-либо еще более ценному и прекрасному. Но и

² Недовольную гримасу (*фр.*).

самый смелый из нас боится самого себя. Самоотречение, этот трагический пережиток тех диких времен, когда люди себя калечили, омрачает нам жизнь. И мы расплачиваемся за это самоограничение. Всякое желание, которое мы стараемся подавить, бродит в нашей душе и отравляет нас. А согрешив, человек избавляется от влечения к греху, ибо осуществление – это путь к очищению. После этого остаются лишь воспоминания о наслаждении или сладострастие раскаяния. Единственный способ отделаться от искушения – уступить ему. А если вздумаешь бороться с ним, душу будет томить влечение к запретному, и тебя измучают желания, которые чудовищный закон, тобой же созданный, признал порочными и преступными. Кто-то сказал, что величайшие события в мире – это те, которые происходят в мозгу у человека. А я скажу, что и величайшие грехи мира рождаются в мозгу, и только в мозгу. Да ведь и в вас, мистер Грей, даже в пору светлого отрочества и розовой юности, уже бродили страсти, пугавшие вас, мысли, которые вас приводили в ужас. Вы знали мечты и сновидения, при одном воспоминании о которых вы краснеете от стыда...

– Пойдите, пойдите! – пробормотал, запинаясь, Дориан Грей. – Вы смутили меня, я не знаю, что сказать... С вами можно бы поспорить, но я сейчас не нахожу слов... Не говорите больше ничего! Дайте мне подумать... Впрочем, лучше не думать об этом!

Минут десять Дориан стоял неподвижно, с полуоткрытым ртом и странным блеском в глазах. Он смутно сознавал, что в нем просыпаются какие-то совсем новые мысли и чувства. Ему казалось, что они пришли не извне, а поднимались из глубины его существа. Да, он чувствовал, что несколько слов, сказанных этим другом Бэзила, сказанных, вероятно, просто так, между прочим, и намеренно парадоксальных, затронули в нем какую-то тайную струну, которой до сих пор не касался никто, и сейчас она трепетала, вибрировала порывистыми толчками.

До сих пор так волновала его только музыка. Да, музыка не раз будила в его душе волнение, но волнение смутное, бездумное. Она ведь творит в душе не новый мир, а скорее – новый хаос. А тут прозвучали *слова*! Простые слова – но как они страшны! От них никуда не уйдешь. Как они ясны, неотразимо сильны и жестоки! И вместе с тем – какое в них таится коварное очарование! Они, казалось, придавали зримую и осязаемую форму неопределенным мечтам, и в них была своя музыка, сладостнее звуков лютни и виолы. Только слова! Но есть ли что-либо веселее слов?

Да, в ранней юности он, Дориан, не понимал некоторых вещей. Сейчас он понял все. Жизнь вдруг засверкала перед ним яркими красками. Ему казалось, что он шагает среди бушующего пламени. И как он до сих пор не чувствовал этого?

Лорд Генри с тонкой усмешкой наблюдал за ним. Он знал, когда следует помолчать. Дориан живо заинтересовал его, и он сам сейчас удивлялся тому впечатлению, какое произвели на юношу его слова. Ему вспомнилась одна книга, которую он прочитал в шестнадцать лет; она открыла ему тогда многое такое, чего он не знал раньше. Быть может, Дориан Грей сейчас переживает то же самое? Неужели стрела, пущенная наугад, просто так, в пространство, попала в цель? Как этот мальчик мил!..

Холлуорд писал с увлечением, как всегда, чудесными, смелыми мазками, с тем подлинным изяществом и утонченностью, которые – в искусстве по крайней мере – всегда являются признаком мощного таланта. Он не замечал наступившего молчания.

– Бэзил, я устал стоять, – воскликнул вдруг Дориан. – Мне надо побыть на воздухе, в саду. Здесь очень душно!

– Ах, простите, мой друг! Когда я пишу, я забываю обо всем. А вы сегодня стояли, не шелохнувшись. Никогда еще вы так хорошо не позировали. И я поймал то выражение, какое все время искал. Полуоткрытые губы, блеск в глазах... Не знаю, о чем тут разглагольствовал Гарри, но, конечно, это он вызвал на вашем лице такое удивительное выражение. Должно быть, наговорил вам кучу комплиментов? А вы не верьте ни единому его слову.

– Нет, он говорил мне вещи совсем не лестные. Поэтому я и не склонен ему верить.

– Ну, ну, в душе вы отлично знаете, что поверили всему, – сказал лорд Генри, задумчиво глядя на него своими томными глазами. – Я, пожалуй, тоже выйду с вами в сад, здесь невыносимо жарко. Бэзил, прикажи подать нам какого-нибудь питья со льдом... и хорошо бы с земляничным соком.

– С удовольствием, Гарри. Позвони Паркеру, и я скажу ему, что принести. Я приду к вам в сад немного погодя, надо еще подработать фон. Но не задерживай Дориана надолго. Мне сегодня, как никогда, хочется писать. Этот портрет будет моим шедевром. Даже в таком виде, как сейчас, он уже чудо как хорош.

Выйдя в сад, лорд Генри нашел Дориана у куста сирени: зарывшись лицом в прохладную массу цветов, он упивался их ароматом, как жаждущий – вином. Лорд Генри подошел к нему вплотную и дотронулся до его плеча.

– Вот это правильно, – сказал он тихо. – Душу лучше всего лечить ощущениями, а от ощущений лечит только душа.

Юноша вздрогнул и отступил. Он был без шляпы, и ветки растрепали его непокорные кудри, спутав золотистые пряди. Глаза у него были испуганные, как у внезапно разбуженного человека. Тонко очерченные ноздри нервно вздрагивали, алые губы трепетали от какого-то тайного волнения.

– Да, – продолжал лорд Генри, – надо знать этот великий секрет жизни: лечите душу ощущениями, а ощущения пусть врачует душа. Вы – удивительный человек, мистер Грей. Вы знаете больше, чем вам это кажется, но меньше, чем хотели бы знать.

Дориан Грей нахмурился и отвел глаза. Ему безотчетно нравился высокий и красивый человек, стоявший рядом с ним. Смуглое романтическое лицо лорда Генри, его усталое выражение вызывало интерес, и что-то завораживающее было в низком и протяжном голосе. Даже руки его, прохладные, белые и нежные, как цветы, таили в себе странное очарование. В движениях этих рук, как и в голосе, была музыка, и казалось, что они говорят своим собственным языком.

Дориан чувствовал, что боится этого человека, – и стыдился своего страха. Зачем нужно было, чтобы кто-то чужой научил его понимать собственную душу? Ведь вот с Бэзилом Холлуордом он давно знаком, но дружба их ничего не изменила в нем. И вдруг приходит этот незнакомец – и словно открывает перед ним тайны жизни. Но все-таки чего же ему бояться? Он не школьник и не девушка. Ему бояться лорда Генри просто глупо.

– Давайте сядем где-нибудь в тени, – сказал лорд Генри. – Вот Паркер уже несет нам питье. А если вы будете стоять на солнцепеке, вы подурнеете, и Бэзил больше не захочет вас писать. Загар будет вам не к лицу.

– Эка важность, подумаешь! – засмеялся Дориан Грей, садясь на скамью в углу сада.

– Для вас это очень важно, мистер Грей.

– Почему же?

– Да потому, что вам дана чудесная красота молодости, а молодость – единственное богатство, которое стоит беречь.

– Я этого не думаю, лорд Генри.

– Теперь вы, конечно, этого не думаете. Но когда вы станете безобразным стариком, когда думы избородят ваш лоб морщинами, а страсти своим губительным огнем иссушат ваши губы, – вы поймете это с неумолимой ясностью. Теперь, куда бы вы ни пришли, вы всех пленяете. Но разве так будет всегда? Вы удивительно хороши собой, мистер Грей. Не хмурьтесь, это правда. А Красота – один из видов Гения, она еще выше Гения, ибо не требует понимания. Она – одно из великих явлений окружающего нас мира, как солнечный свет, или весна, или отражение в темных водах серебряного щита луны. Красота неоспорима. Она имеет высшее право на власть и делает царями тех, кто ею обладает. Вы улыбаетесь? О, когда вы ее утратите, вы не будете улыбаться... Иные говорят, что Красота – это тщета земная. Быть может. Но,

во всяком случае, она не так тщетна, как Мысль. Для меня Красота – чудо из чудес. Только пустые, ограниченные люди не судят по внешности. Подлинная тайна жизни заключена в зримом, а не в сокровенном... Да, мистер Грей, боги к вам милостивы. Но боги скоро отнимают то, что дают. У вас впереди не много лет для жизни настоящей, полной и прекрасной. Минет молодость, а с нею красота – и вот вам вдруг станет ясно, что время побед прошло, или придется довольствоваться победами столь жалкими, что в сравнении с прошлым они вам будут казаться горше поражений. Каждый уходящий месяц приближает вас к этому тяжкому будущему. Время ревниво, оно покушается на лилии и розы, которыми одарили вас боги. Щеки ваши пожелтеют и впадут, глаза потускнеют. Вы будете страдать ужасно... Так пользуйтесь же своей молодостью, пока она не ушла. Не тратьте понапрасну золотые дни, слушая нудных святош, не пытайтесь исправлять то, что неисправимо, не отдавайте свою жизнь невеждам, пошлякам и ничтожествам, следуя ложным идеям и нездоровым стремлениям нашей эпохи. Живите! Живите той чудесной жизнью, что скрыта в вас. Ничего не упускайте, вечно ищите все новых ощущений! Ничего не бойтесь! Новый гедонизм – вот что нужно нашему поколению. И вы могли бы стать его зримым символом. Для такого, как вы, нет ничего невозможного. На короткое время мир принадлежит вам... Я с первого взгляда понял, что вы себя еще не знаете, не знаете, чем вы могли бы быть. Многое в вас меня пленило, и я почувствовал, что должен помочь вам познать самого себя. Я думал: «Как было бы трагично, если бы эта жизнь пропала даром!» Ведь молодость ваша пройдет так быстро! Простые полевые цветы вянут, но опять расцветают. Будущим летом раkitник в июне будет так же сверкать золотом, как сейчас. Через месяц зацветет пурпурными звездами ломонос, и каждый год в зеленой ночи его листьев будут загораться все новые пурпурные звезды. А к нам молодость не возвращается. Слабеет пульс радости, что бьется так сильно в двадцать лет, дряхлеет тело, угасают чувства. Мы превращаемся в отвратительных марионеток с неотвязными воспоминаниями о тех страстях, которых мы слишком боялись, и соблазнах, которым мы не посмели уступить. Молодость! Молодость! В мире нет ничего ей равного!

Дориан Грей слушал с жадным вниманием, широко раскрыв глаза. Веточка сирени выскользнула из его пальцев и упала на гравий. Тотчас подлетела мохнатая пчела, с минуту покружилась над нею, жужжа, потом стала путешествовать по всей кисти, переползая с одной звездочки на другую. Дориан наблюдал за ней с тем неожиданным интересом, с каким мы сосредоточиваем порой внимание на самых незначительных мелочах, когда нам страшно думать о самом важном, или когда нас волнует новое чувство, еще неясное нам самим, или какая-нибудь страшная мысль осаждает мозг и принуждает нас сдаться. Пчела скоро полетела дальше. Дориан видел, как она забралась в трубчатую чашечку выюнка. Цветок, казалось, вздрогнул и тихонько закачался на стебельке.

Неожиданно в дверях мастерской появился Холлуорд и энергичными жестами стал звать своих гостей в дом. Лорд Генри и Дориан переглянулись.

– Я жду, – крикнул художник. – Идите же! Освещение сейчас для работы самое подходящее... А пить вы можете и здесь.

Они поднялись и медленно зашагали по дорожке. Мимо пролетели две бледно-зеленые бабочки, в дальнем углу сада на груше запел дрозд.

– Ведь вы довольны, что познакомились со мной, мистер Грей? – сказал лорд Генри, глядя на Дориана.

– Да, сейчас я этому рад. Не знаю только, всегда ли так будет.

– Всегда!.. Какое ужасное слово! Я содрогаюсь, когда слышу его. Его особенно любят женщины. Они портят всякий роман, стремясь, чтобы он длился вечно. Притом «всегда» – это пустое слово. Между капризом и «вечной любовью» разница только та, что каприз длится несколько дольше.

Они уже входили в мастерскую. Дориан Грей положил руку на плечо лорда Генри.

– Если так, пусть наша дружба будет капризом, – шепнул он, краснея, смущенный собственной смелостью. Затем взошел на подмостки и стал в позу.

Лорд Генри, расположившись в широком плетеном кресле, наблюдал за ним. Тишину в комнате нарушали только легкий стук и шуршанье кисти по полотну, затихавшее, когда Холлуорд отходил от мольберта, чтобы издали взглянуть на свою работу. В открытую дверь лились косые солнечные лучи, в них плясали золотые пылинки. Приятный аромат роз словно плавал в воздухе.

Прошло с четверть часа. Художник перестал работать. Он долго смотрел на Дориана Грея, потом, так же долго, – на портрет, хмурясь и покусывая кончик длинной кисти.

– Готово! – воскликнул он наконец и, нагнувшись, подписал свое имя длинными красными буквами в левом углу картины.

Лорд Генри подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть ее. Несомненно, это было дивное произведение искусства, да и сходство было поразительное.

– Дорогой мой Бэзил, поздравляю тебя от всей души, – сказал он. – Я не знаю лучшего портрета во всей современной живописи. Подойдите же сюда, мистер Грей, и судите сами.

Юноша вздрогнул, как человек, внезапно очнувшийся от сна.

– В самом деле кончено? – спросил он, сходя с подмостков.

– Да, да. И вы сегодня прекрасно позировали. Я вам за это бесконечно благодарен.

– За это надо благодарить меня, – вмешался лорд Генри. – Правда, мистер Грей?

Дориан, не отвечая, с рассеянным видом прошел мимо мольберта, затем повернулся к нему лицом. При первом взгляде на портрет он невольно сделал шаг назад и вспыхнул от удовольствия. Глаза его блеснули так радостно, словно он в первый раз увидел себя. Он стоял неподвижно, погруженный в созерцание, смутно сознавая, что Холлуорд что-то говорит ему, но не вникая в смысл его слов. Как откровение пришло к нему сознание своей красоты. До сих пор он как-то ее не замечал, и восхищение Бэзила Холлуорда казалось ему трогательным ослеплением дружбы. Он выслушивал его комплименты, подсмеивался над ними и забывал их. Они не производили на него никакого впечатления. Но вот появился лорд Генри, прозвучал его восторженный гимн молодости, грозное предостережение о том, что она быстротечна. Это взволновало Дориана, и сейчас, когда он смотрел на отражение своей красоты, перед ним вдруг с поразительной ясностью встало то будущее, о котором говорил лорд Генри. Да, наступит день, когда его лицо поблекнет и сморщится, глаза потускнеют, выцветут, стройный стан согнется, станет безобразным. Годы унесут с собой алость губ и золото волос. Жизнь, формируя его душу, будет разрушать его тело. Он станет отталкивающе некрасив, жалок и страшен.

При этой мысли острая боль, как ножом, пронзила Дориана, и каждая жилка в нем затрепетала. Глаза потемнели, став из голубых аметистовыми, и затуманились слезами. Словно ледяная рука легла ему на сердце.

– Разве портрет вам не нравится? – воскликнул наконец Холлуорд, немного задетый непонятным молчанием Дориана.

– Ну конечно нравится, – ответил за него лорд Генри. – Кому он мог бы не понравиться? Это один из шедевров современной живописи. Я готов отдать за него столько, сколько ты потребуешь. Этот портрет должен принадлежать мне.

– Я не могу его продать, Гарри. Он не мой.

– А чей же?

– Дориана, разумеется, – ответил художник.

– Вот счастливец!

– Как это печально! – пробормотал вдруг Дориан Грей, все еще не отводя глаз от своего портрета. – Как печально! Я состарюсь, стану противным уродом, а мой портрет будет вечно молод. Он никогда не станет старше, чем в этот июньский день... Ах, если бы могло быть

наоборот! Если бы старел этот портрет, а я навсегда остался молодым! За это... за это я отдал бы все на свете. Да, ничего не пожалел бы! Душу бы отдал за это!

– Тебе, Бэзил, такой порядок вещей вряд ли понравился бы! – воскликнул лорд Генри со смехом. – Тяжела тогда была бы участь художника!

– Да, я горячо протестовал бы против этого, – отозвался Холлуорд.

Дориан Грей обернулся и в упор посмотрел на него.

– О Бэзил, в этом я не сомневаюсь! Свое искусство вы любите больше, чем друзей. Я вам не дороже какой-нибудь позеленевшей бронзовой статуэтки. Нет, пожалуй, ею вы дорожите больше.

Удивленный художник смотрел на него во все глаза. Очень странно было слышать такие речи от Дориана. Что это с ним? Он, видимо, был очень раздражен, лицо его пылало.

– Да, да, – продолжал Дориан. – Я вам не так дорог, как ваш серебряный Фавн или Гермес из слоновой кости. Их вы будете любить всегда. А долго ли будете любить меня? Вероятно, до первой морщинки на моем лице. Я теперь знаю – когда человек теряет красоту, он теряет все. Ваша картина мне это подсказала. Лорд Генри совершенно прав: молодость – единственное, что ценно в нашей жизни. Когда я замечу, что старею, я покончу с собой.

Холлуорд побледнел и схватил его за руку.

– Дориан, Дориан, что вы такое говорите! У меня не было и не будет друга ближе вас. Что это вы вздумали завидовать каким-то неодушевленным предметам? Да вы прекраснее их всех!

– Я завидую всему, чья красота бессмертна. Завидую этому портрету, который вы с меня написали. Почему он сохранит то, что мне суждено утратить? Каждое уходящее мгновение отнимает что-то у меня и дарит ему. О, если бы было наоборот! Если бы портрет менялся, а я мог всегда оставаться таким, как сейчас! Зачем вы его написали? Придет время, когда он будет дразнить меня, постоянно насмехаться надо мной!

Горячие слезы подступили к глазам Дориана, он вырвал свою руку из руки Холлуорда и, упав на диван, спрятал лицо в подушки.

– Это ты наделал, Гарри! – сказал художник с горечью.

Лорд Генри пожал плечами.

– Это заговорил настоящий Дориан Грей, вот и все.

– Неправда.

– А если нет, при чем же тут я?

– Тебе следовало уйти, когда я просил тебя об этом.

– Я остался по твоей же просьбе, – возразил лорд Генри.

– Гарри, я не хочу поссориться разом с двумя моими близкими друзьями... Но вы оба сделали мне ненавистной мою лучшую картину. Я ее уничтожу. Что ж, ведь это только холст и краски. И я не допущу, чтобы она омрачила жизнь всем нам.

Дориан Грей поднял голову с подушки и, бледнея, заплаканными глазами следил за художником, который подошел к своему рабочему столу у высокого занавешенного окна. Что он там делает? Шарит среди беспорядочно нагроможденных на столе тюбиков с красками и сухих кистей, – видимо, разыскивает что-то. Ага, это он искал длинный шпатель с тонким и гибким стальным лезвием. И нашел его наконец. Он хочет изрезать портрет!

Всклипнув, юноша вскочил с дивана, подбежал к Холлуорду и, вырвав у него из рук шпатель, швырнул его в дальний угол.

– Не смейте, Бэзил! Не смейте! – крикнул он. – Это все равно что убийство!

– Вы, оказывается, все-таки цените мою работу? Очень рад, – сказал художник сухо, когда опомнился от удивления. – А я на это уже не надеялся.

– Ценю ее? Да я в нее влюблен, Бэзил. У меня такое чувство, словно этот портрет – часть меня самого.

– Ну и отлично. Как только вы высохнете, вас покроют лаком, вставят в раму и отправят домой. Тогда можете делать с собой что хотите.

Пройдя через комнату, Холлуорд позвонил.

– Вы, конечно, не откажетесь выпить чаю, Дориан? И ты тоже, Гарри? Или ты не охотник до таких простых удовольствий?

– Я обожаю простые удовольствия, – сказал лорд Генри. – Они – последнее прибежище для сложных натур. Но драматические сцены я терплю только на театральных подмостках. Какие вы оба нелепые люди! Интересно, кто это выдумал, что человек – разумное животное? Что за скороспелое суждение! У человека есть что угодно, только не разум. И, в сущности, это очень хорошо!.. Однако мне неприятно, что вы ссоритесь из-за портрета. Вы бы лучше отдали его мне, Бэзил! Этому глупому мальчику вовсе не так уж хочется его иметь, а мне *очень* хочется.

– Бэзил, я вам никогда не прощу, если вы его отдадите не мне! – воскликнул Дориан Грей. – И я никому не позволю обзывать меня «глупым мальчиком».

– Я уже сказал, что дарю портрет вам, Дориан. Я так решил еще прежде, чем начал его писать.

– А на меня не обижайтесь, мистер Грей, – сказал лорд Генри. – Вы сами знаете, что вели себя довольно глупо. И не так уж вам неприятно, когда вам напоминают, что вы еще мальчик.

– Еще сегодня утром мне было бы это очень неприятно, лорд Генри.

– Ах, утром! Но с тех пор вы многое успели пережить.

В дверь постучали, вошел лакей с чайным подносом и поставил его на японский столик. Звякали чашки и блюдца, пыхтел большой старинный чайник. За лакеем мальчик внес два шарообразных фарфоровых блюда.

Дориан Грей подошел к столу и стал разливать чай. Бэзил и лорд Генри не спеша подошли тоже и, приподняв крышки, посмотрели, что лежит на блюдах.

– А не пойти ли нам сегодня вечером в театр? – предложил лорд Генри. – Наверное, где-нибудь идет что-нибудь интересное. Правда, я обещал одному человеку обедать сегодня с ним у Уайта, но это мой старый приятель, ему можно телеграфировать, что я заболел или что мне помешало прийти более позднее приглашение... Пожалуй, такого рода отговорка ему даже больше понравится своей неожиданной откровенностью.

– Ох, надевать фрак! Как это скучно! – буркнул Холлуорд. – Терпеть не могу фраки!

– Да, – лениво согласился лорд Генри. – Современные костюмы безобразны, они угнетают своей мрачностью. В нашей жизни не осталось ничего красочного, кроме порока.

– Право, Гарри, тебе не следует говорить таких вещей при Дориане!

– При котором из них? При том, что наливает нам чай, или том, что на портрете?

– И при том, и при другом.

– Я с удовольствием пошел бы с вами в театр, лорд Генри, – промолвил Дориан.

– Прекрасно. Значит, едем. И вы с нами, Бэзил?

– Нет, право, не могу. У меня уйма дел.

– Ну, так мы пойдем вдвоем – вы и я, мистер Грей.

– Как я рад!

Художник, закусив губу, с чашкой в руке подошел к портрету.

– А я останусь с подлинным Дорианом, – сказал он грустно.

– Так, по-вашему, это – подлинный Дориан? – спросил Дориан Грей, подходя к нему. – Неужели я в самом деле такой?

– Да, именно такой.

– Как это чудесно, Бэзил!

– По крайней мере, внешне вы такой. И на портрете всегда таким останетесь, – со вздохом сказал Холлуорд. – А это чего-нибудь да стоит.

– Как люди гонятся за постоянством! – воскликнул лорд Генри. – Господи, да ведь и в любви верность – это всецело вопрос физиологии, она ничуть не зависит от нашей воли. Люди молодые хотят быть верны – и не бывают, старики хотели бы изменять, но где уж им! Вот и все.

– Не ходите сегодня в театр, Дориан, – сказал Холлуорд. – Оставайтесь у меня, пообедаем вместе.

– Не могу, Бэзил.

– Почему?

– Я же обещал лорду Генри пойти с ним.

– Думаете, он станет хуже относиться к вам, если вы не сдержите слова? Он сам никогда не выполняет своих обещаний. Я вас очень прошу, не уходите.

Дориан засмеялся и покачал головой.

– Умоляю вас!

Юноша в нерешимости посмотрел на лорда Генри, который, сидя за чайным столом, с улыбкой слушал их разговор.

– Нет, я должен идти, Бэзил.

– Как знаете. – Холлуорд отошел к столу и поставил свою чашку на поднос. – В таком случае не теряйте времени. Уже поздно, а вам еще надо переодеться. До свиданья, Гарри. До свиданья, Дориан. Приходите поскорее – ну, хотя бы завтра. Придете?

– Непременно.

– Не забудете?

– Нет, конечно нет! – заверил его Дориан.

– И вот еще что... Гарри!

– Что, Бэзил?

– Помни то, о чем я просил тебя утром в саду!

– А я уже забыл, о чем именно.

– Смотри! Я тебе доверяю.

– Хотел бы я сам себе доверять! – сказал лорд Генри со смехом. – Идемте, мистер Грей, мой кабриолет у ворот, и я могу довести вас до дому. До свиданья, Бэзил. Мы сегодня очень интересно провели время.

Когда дверь закрылась за гостями, художник тяжело опустился на диван. По лицу его видно было, как ему больно.

Глава III

На другой день в половине первого лорд Генри Уоттон вышел из своего дома на Керзон-стрит и направился в Олбени. Он хотел навестить своего дядю, лорда Фермора, добродушного, хотя и резковатого старого холостяка, которого за пределами светского круга считали эгоистом, ибо он ничем особенно не был людям полезен, а в светском кругу – щедрым и добрым, ибо лорд Фермор охотно угощал тех, кто его развлекал. Отец лорда Фермора состоял английским послом в Мадриде в те времена, когда королева Изабелла была молода, а Прима еще и в помине не было. Под влиянием минутного каприза он ушел с дипломатической службы, рассерженный тем, что его не назначили послом в Париж, хотя на этот пост ему давали полное право его происхождение, праздность, прекрасный слог дипломатических депеш и неумеренная страсть к наслаждениям. Сын, состоявший при отце секретарем, ушел вместе с ним – что тогда все считали безрассудством – и, несколько месяцев спустя унаследовав титул, принялся серьезно изучать великое аристократическое искусство ничегонеделания. У него в Лондоне было два больших дома, но он предпочитал жить на холостую ногу в наемной меблированной квартире, находя это менее хлопотным, а обедал и завтракал чаще всего в клубе. Лорд Фермор уделял некоторое внимание своим угольным копям в центральных графствах и оправдывал этот нездоровый интерес к промышленности тем, что, владея углем, он имеет возможность, как это прилично джентльмену, топить свой камин дровами. По политическим убеждениям он был консерватор, но только не тогда, когда консерваторы приходили к власти, – в такие периоды он энергично ругал их, называя шайкой радикалов. Он героически воевал со своим камердинером, который держал его в ежовых рукавицах. Сам же он, в свою очередь, терроризировал многочисленную родню. Породить его могла только Англия, а между тем он был ею недоволен и всегда твердил, что страна идет к гибели. Принципы его были старомодны, зато многое можно было сказать в защиту его предрассудков.

В комнате, куда вошел лорд Генри, дядя его сидел в толстой охотничьей куртке, с сигарой в зубах и читал «Таймс», ворчливо выражая вслух свое недовольство этой газетой.

– А, Гарри! – сказал почтенный старец. – Что это ты так рано? Я думал, что вы, денди, встаете не раньше двух часов дня и до пяти не выходите из дому.

– Поверьте, дядя Джордж, меня привели к вам в такой ранний час исключительно родственные чувства. Мне от вас кое-что нужно.

– Денег, вероятно? – сказал лорд Фермор с кислым видом. – Ладно, садись и рассказывай. Нынешние молодые люди воображают, что деньги – это все.

– Да, – согласился лорд Генри, поправляя цветок в петлице. – А с годами они в этом убеждаются. Но мне деньги не нужны, дядя Джордж, – они нужны тем, кто имеет привычку платить долги, а я своим кредиторам никогда не плачу. Кредит – это единственный капитал младшего сына в семье, и на этот капитал можно отлично прожить. Кроме того, я имею дело только с поставщиками Дартмура, – и, естественно, они меня никогда не беспокоят. К вам я пришел не за деньгами, а за сведениями. Разумеется, не за полезными: за бесполезными.

– Ну что ж, от меня ты можешь узнать все, что есть в любой Синей книге Англии, хотя нынче в них пишут много ерунды. В те времена, когда я был дипломатом, это делалось гораздо лучше. Но теперь, говорят, дипломатов зачисляют на службу только после того, как они выдержат экзамен. Так чего же от них ожидать? Экзамены, сэр, – это чистейшая чепуха, от начала до конца. Если ты джентльмен, так тебя учить нечему, тебе достаточно того, что ты знаешь. А если ты *не* джентльмен, то знания тебе только во вред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.